

УДК 93/94+930+140.8

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-6-36-69

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ И ТРАНСФОРМАЦИЙ (КРУГЛЫЙ СТОЛ)

**Багдасарян В. Э.¹, Марасанова В. М.², Фукс А. Н.¹, Соловьёв Я. В.¹, Жиряков И. Г.¹,
Лазарева Л. Н.¹, Куренкова Е. А.¹, Иерусалимский Ю. Ю.^{1,2}, Косторниченко В. Н.²**

¹ Государственный университет просвещения

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация

² Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова

150003, г. Ярославль, ул. Советская, д. 14, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Проведение соотнесения развития отечественной исторической науки с глобальными и российскими социальными трансформациями, современными геополитическими вызовами. Определение парадигм новых подходов к осмыслению исторического процесса.

Процедуры и методы. Развитие российской исторической науки на современном этапе оценивалось с позиций историографии и истории философии науки. Использовании теории смены научных парадигм в применении к актуальной историографической ситуации.

Результаты. Рассмотрение современной историографической ситуации привело к выводу о происходящей смене парадигмы в российской исторической науке. Доминировавшая ранее либеральная парадигма обнаружила нефункциональность и замещается парадигмой, сопряжённой с цивилизационным подходом, государственным суверенитетом и традиционными российскими духовно-нравственными ценностями.

Теоретическая и/или практическая значимость. Полученные выводы могут быть использованы при описании новых социогуманитарных парадигм, формировании подходов в развитии исторического образования

Ключевые слова: история; историография; наука; Россия; Запад; цивилизационный подход; универсализм; западничество; вариативность; теория модернизации; парадигма

HISTORICAL SCIENCE IN THE CONTEXT OF MODERN CHALLENGES AND TRANSFORMATIONS (ROUND TABLE)

**V. Bagdasaryan¹, V. Marasanova², A. Fuks¹, Ya. Soloviev¹, I. Zhiryakov¹, L. Lazareva¹,
E. Kurenkova¹, Yu. Ierusalimskiy^{1,2}, V. Kostornichenko²**

¹ Federal State University of Education

ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow region, Russian Federation

² P.G. Demidov Yaroslavl State University

ul. Sovetskaya 14, Yaroslavl 150003, Russian Federation

Abstract

Aim. To correlate the development of Russian historical science with global and Russian social transformations, modern geopolitical challenges. To define paradigms of new approaches to understanding the historical process.

© СС ВУ Багдасарян В. Э., Марасанова В. М., Фукс А. Н., Соловьёв Я. В., Жиряков И. Г., Лазарева Л. Н., Куренкова Е. А., Иерусалимский Ю. Ю., Косторниченко В. Н., 2024.

Metodology. The development of Russian historical science at the present stage was assessed from the standpoint of historiography and the history of the philosophy of science. The theory of scientific paradigm shift in application to the current historiographical situation was applied.

Results. Consideration of the modern historiographical situation led to the conclusion about the ongoing paradigm shift in Russian historical science. The previously dominant liberal paradigm has shown dysfunctionality and is being replaced by a paradigm associated with a civilizational approach, state sovereignty and traditional Russian spiritual and moral values.

Research implication. The findings can be used to describe new social and humanitarian paradigms and form approaches to the development of historical education.

Keywords: history; historiography; science; Russia; West; civilizational approach; universalism; Westernism; variability; modernization theory; paradigm

Введение

Мир вступил в фазу системных трансформаций. Проявляемые ранее расколы и противоречия перешли в геополитические конфликты. Россия оказалась в фокусе развернувшейся глобальной борьбы. Её ответом на очередную вестернизацию, сопряжённую с утратой суверенных потенциалов, явилось обращение к традиционным российским духовно-нравственным ценностям, отстаивание системы многополярного мироустройства.

Столь системные трансформации не могли не затронуть гуманитарные и общественные науки, и историческую науку в частности. Прежние объяснительные подходы, как в отношении отдельных событий истории, так и исторического процесса в целом, перестали удовлетворять. Необходимо было, прежде всего, с позиций истории, переосмыслить причины геополитической катастрофы гибели СССР, воспроизводимости цивилизационного конфликта с Западом. История сама оказывалась фактором политических трансформаций. Она, как известно, выступала и продолжает выступать амбивалентным оружием, работающим как на укрепление государственных потенциалов, так и на разрушение. С исторических конфликтов («войн памяти») часто начинаются конфликты политические, перерастающие в реальные войны.

Актуализируется вопрос о методологических парадигмах осмысления исторического процесса, применяемых эпистемах. Сегодня становится очевидным, что есть методологические подходы, сопряжённые с суверенным развитием России, а есть подходы, утверждающие приоритет неких универсалий, по отношению к которым значение российской истории периферизируется. Важно определить, какая парадигма будет взята за основу в образовательном процессе. Методологический плюрализм и эклектика уже не устраивают, т. к. через них системного мировоззрения новых поколений россиян сформировать невозможно.

Указом Президента № 314 в качестве такой основы предлагается осмысление России как государства-цивилизации и сопряжённый с таким видением цивилизационный подход. Выдвижение цивилизационного подхода в качестве новой методологической парадигмы не могло не вступить в конфликт с применяемыми иными методологическими подходами. Да и сам цивилизационный подход нуждается в конкретизации, содержательных и методических уточнениях. Обсуждение продуцируемых новыми реалиями вопросов в фокусе истории, равно как и других дисциплин, представляется полезным. Такие дискуссионные возможности и представляет «Вестник Государственного университета просвещения».

Багдасарян В. Э.

ВОЙНЫ ПАРАДИГМЫ: НАУЧНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ИСТОРИИ НАЧАЛАСЬ

В науке есть уровни первичной эмпирики, концептуальных интерпретаций и методологических парадигм. Важно сегодня обратиться именно к вопросу о парадигмах. Этот вопрос в постсоветский период системно искоренялся в исторической науке. Объявленная деидеологизация истории привела фактически к её деконцептуализации. Концептуальность была вытеснена в сферу маргинального и маркирована как проявление ненаучности. Установилась методология нерелекторного позитивизма с апологией факта (историки-архивисты теорий не измышляют). Следствием деконцептуализации явилось выхолащивание в истории ценностей и смыслов, бегство от больших нарративов. Это в свою очередь привело к полной безоружности перед выстраиваемой на своей ценностно-смысловой матрице антироссийской исторической пропагандой [4; 7].

Между тем позитивистский подход в истории философии был подвергнут критике с позиций разных методологических наук. Свой вклад в низвержение позитивизма внесла, и о чём к настоящему времени почти забыто в т. ч. и со стороны её последователей, марксистская философия. Постпозитивизм стал отрицанием позитивистской апологии исторического факта. Было показано, что то, что называется фактом – есть суть интерпретации. Интерпретируемым оказывается любое событие и явление исторического процесса. Весь вопрос лишь историографический – в спектре интерпретационных версий. Интерпретации являются, в свою очередь, производными от парадигм [36; 59].

Парадигма может артикулироваться и не артикулироваться. При артикуляции парадигм истории речь идёт об исторической философии. Когда парадигмы не артикулируются, они подразумеваются по принципу «нечто саморазумеющегося». Но ничего

саморазумеющегося для человека не существует. Можно верить в Бога и отрицать его существование, можно отдавать предпочтение монархии и республике, можно являться приверженцем нерегулируемой модели экономики и директивной. Идеологическая неартикулируемость означает утверждение постидеологии. Пример постидеологии: идеология запрещена, но права и свободы человека заявлены как высшая ценность (т. е. запрещены все другие идеологии кроме либерализма, ставшего постидеологией) [54].

Российским позитивистам, впрочем, плохо известна сама история позитивизма. Сосредоточившись на эмпирике, которая всегда ограничена определённым объёмом материала, они чаще всего вообще безграмотны в сфере методологии [35]. Мы, говорят они, за объективизм. Это надо читать так: правильно только моё мнение и мнение моих сторонников, которое объективно, тогда как взгляды оппонентов – субъективны. Но оппоненты могут заявлять то же самое. Возникает полемика разных версий объективности. Но множественность объективностей означает, что единства эпистем не существует [51].

Работа Т. Куна «Структура научных революций» увидела свет ещё в 1962 г. [33]. Кун развивал тему исторической смены эпистемологических парадигм в мировой науке. Знания не бывают правильные или неправильные, они парадигмально различные, и суть этих различий – базовые ценности и картина мира. Парадигму научного знания составляют доминирующие подходы, официально признанные школы. Они определяют систему поддерживающих эту систему знаний институций, включая стоящие на соответствующих позициях Академий, ведущих научных журналов, направляющих грантовой поддержки. Оппонирующие взгляды находятся на периферии и маргинализируются. Но постепенно позиции ядра ослабевают. Накапливаются вопросы, которые, исходя из актуальной

парадигмы, оказываются необъяснимы. Периферия наступает. И итог: происходит научная революция, прежняя парадигма обрушивается, а периферия сама становится ядром. А далее всё повторяется – до очередной смены парадигмы [29].

Т. Куна, впрочем, несколько корректировали. Парадигмы могут существовать параллельно, и борьба в науке есть борьба исторически воспроизводимых антагонизменных платформ. Такими альтернативными парадигмами в российском обществоведении являлись платформы западников и славянофилов. Названия могли меняться, но сути суть противоборствующих позиций исторически воспроизводилась. Исторически верх брала то сторона условных западников, то сторона условных славянофилов. В конце 1980-х гг. низвергнув схоластическую позднесоветскую схему истории верх взяли западники. Западническая парадигма восторжествовала. Но далее она всё менее справлялась с острыми вопросами, как трансформирующегося настоящего – новой фазы борьбы с Западом, так и связанного с ним прошлое.

Сегодня можно констатировать, что российская историческая наука вступила в фазу научной революции. Прежняя парадигма в условиях СВО показала свою нефункциональность и связанность с пропагандой противника. На уровне государственного дискурса она после долгих подходов оказалась отброшена (Указ № 314). На уровне конкретных институций и персоналий – носителей прежней парадигмы идёт сопротивление и саботаж. Либералы-историки сегодня играют в «дурака», прикидываясь, что не понимают сути трансформаций, иначе трактуют понятия. Реально они ожидают отката назад, надеются на либеральную реставрацию, по сути, явно или опосредовано в условиях системного противостояния с Западом выступают на стороне противника.

Важно охарактеризовать новую парадигму российской исторической науки. «Дайте мне точку опоры, и я переверну

мир», – говорил Архимед. Опорой для новой системы общественных знаний стал цивилизационный подход. Ключевой тезис, вошедший в Указ № 314 «Об основах государственной политики в области исторического просвещения», Россия – это государство-цивилизация¹. Позиционирование России как цивилизации означает, что существуют наряду с российской и иные цивилизационные общности. Каждая из цивилизаций имеет идентичную систему ценностей и систему жизнеустройства. Экстраполяция рецептуры жизнеустройства одной цивилизации для другой противопоказано (третий закон Н. Я. Данилевского) [19]. Запад – одна из исторически существовавших цивилизаций – не выше и ниже других. Претензии на универсальность западных компонент от моды и языка до науки и политической организации является историческим результатом западного экспансионизма и колониализма.

У каждой из цивилизаций существуют свои представления об идеальном. Ввиду различий представлений об идеальном нет универсальной модели развития. Развитие цивилизационно контекстно и представляет собой движение от реального к идеальному. Соответственно, и оцениваться оно должно не с позиций неких универсалий (часто шаблонов Запада), а с точки зрения приближения к собственному идеальному или удалению от него.

Критерий оценки деятельности исторических персоналий, успешности реформ состоит в свете цивилизационного подхода не в том, насколько они соответствовали неким «просвещённым мнениям», а насколько усиливались или ослабевали жизненные потенциалы государства-цивилизации. Если жизненные

¹ Указ Президента Российской Федерации от 08.05.2024 г. № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения» // Президент России: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50534> (дата обращения: 15.12.2024).

потенциалы России как государства-цивилизации усиливались, то оценка соответствующему историческому деятелю даётся положительная, если в минус, то отрицательная. Кризисы в истории России оказываются в предлагаемом осмыслении отступлением от цивилизационно-идентичных ценностей, которые являлись механизмами цивилизационного выживания [5; 6].

Начавшаяся научная революция открывает большие перспективы. Требуют с позиций цивилизационных парадигм переосмысления все без исключения периоды мировой и российской истории. Предстоит большая работа. Ожидается ожесточённое сопротивление. На кону – не только вопрос об интерпретации прошлого, но и само существование России.

Марасанова В. М.

МИРОВОЗРЕНЧЕСКИЕ СМЫСЛЫ СОВРЕМЕННОГО ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В настоящее время происходит утверждение суверенитета российской исторической науки. Явным признаком данного процесса стал, среди прочего, отказ от западнической риторики, апелляции к успешности опыта Запада.

В выступлениях Президента Российской Федерации прозвучали слова об особом цивилизационном коде и духовных скрепах России. На высшем государственном уровне обращено самое пристальное внимание на необходимость противодействия антироссийской исторической пропаганде, мифологизации и фальсификации истории.

Непреходящей ценностью российского общества был и будет государственный суверенитет. Технологический и когнитивный суверенитет являются конкретизацией суверенитета государственного.

Изучение истории страны в образовательных организациях высшего образования включает важные смыслы:

– Россия – государство-цивилизация с многовековыми традициями и выдающимися достижениями;

– устойчивый интерес к истории страны;

– чувство гордости за Отечество и сопричастности к его судьбе;

– понимание важности изучения, сохранения и защиты Отечества.

Любовь к Отечеству, а не космополитизм – вполне понятный подход к образованию и воспитанию. Государственной задачей является формирование у студентов осознания принадлежности к российскому обществу, развитие чувства гражданственности, укрепление духовно-нравственного и культурного фундамента цельной личности, устойчивой к «накатам» деструктивной идеологии и манипулированиям.

Современный методологический подход в исторической науке строится на цивилизационном подходе и обосновывает понимание России как государства-цивилизации. Сложная духовная система ценностей, обычаев, традиций, идеалов, образа жизни и материальные основы в виде ведения хозяйства, производственного потенциала, финансового и технологического обеспечения и управления создают определённый тип цивилизации.

Выстраивание концептуальных моделей возможно только на основе научных исследований. В исторической науке важны отечественные разработки, не заимствованные, не переведённые, не пересказанные, получившие недопустимо тотальное распространение в 1990-е гг.

Мировоззренческий ценностный подход всегда был отличительной стороной российского просвещения и культуры¹. Ценностный императив приобрел особую важность в современных условиях. Со-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей // Президент России: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения 19.12.2024).

временные университеты являются воспитательным пространством, направленным на развитие самосознания студента и содействующим этому развитию. Через приобщение студентов к традиционным духовно-нравственным ценностям решаются фактически государственные, а не только образовательные задачи. Изучение исторического наполнения традиционных духовно-нравственных ценностей развивает личность обучающегося через учебный процесс.

В «Основах государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения» сказано: «Россия – великая страна с многовековой историей, государство-цивилизация, сплотившее русский и многие другие народы на пространстве Евразии в единую историко-культурную общность и внёсшее огромный вклад в общемировое развитие. В основе самосознания российского общества лежат формировавшиеся и развивавшиеся на протяжении всей истории России традиционные духовно-нравственные и культурно-исторические ценности, сохранение и защита которых являются обязательным условием гармоничного развития страны и её многонационального народа, неотъемлемой составляющей суверенитета Российской Федерации». В том же документе сформулированы основные принципы государственной политики в области исторического просвещения:

- опора на научные знания и фундаментальные научные исследования, традиционные российские духовно-нравственные и культурно-исторические ценности;

- понимание истории России, развивающейся по самостоятельному, самобытному цивилизационному пути, как неотъемлемой части общемирового исторического процесса;

- преемственность всех этапов российской истории;

- осознание исторического единства народов Российской Федерации при со-

хранении ценности истории и культуры каждого её народа¹.

Укрепление социокультурной идентичности российского общества и повышение уровня его образования является приоритетным направлением научно-технологического развития России, в этом отношении особенно важен «современный инструментальный исследования и укрепления цивилизационных основ и традиционных духовно-нравственных ценностей российского общества, включая историко-культурное наследие и языки народов Российской Федерации»².

Наряду с «прояснением» и кристаллизацией смыслов происходит уточнение и формирование системы понятий исторической науки и в целом социально-гуманитарного знания.

В военных условиях не только оружие, но и слова должны быть максимально точными и ответственными. Объединяющим российский народ образом прошлого явилась память о Великой Отечественной войне. Была проявлена высокая консолидированность общества в неприязни попыток ревизии истории войны, дегероизации подвига народа.

Реабилитируется фактически запрещённая прежде в системе образования и культуры русская тема. В. В. Путин говорит о русском народе как о крупнейшем расколотом народе мира. Впервые на уровне государственных документов высокого уровня русская тема появляется в утверждённых президентом в конце 2014 г. «Основах государственной культурной политики». При этом указывается

¹ Основы государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения. Утв. Приказом Президента Российской Федерации № 314 от 08.12.2024 г. // Президент России: [сайт]. URL: <http://kremlin.ru/acts/news/73989> (дата обращения: 08.12.2024).

² Указ Президента Российской Федерации от 18.06.2024 г. № 529 «Об утверждении приоритетных направлений научно-технологического развития и перечня важнейших наукоемких технологий» // Президент России: [сайт]. <http://www.kremlin.ru/acts/news/74328> (дата обращения: 19.12.2024).

на опасность этнического национализма. Президент противопоставляет в своих выступлениях патриотизм и национализм, подчёркивает пагубность националистического подхода в условиях традиционной российской многоэтничности.

После возвращения Крыма и Севастополя в состав России и возвращения исторических территорий ДНР, ЛНР, Херсонской и Запорожской областей общественное мнение в стране начало принимать форму патриотического восприятия истории как прошлого, так и настоящего. Общественно-политическая ситуация повлияла на преподавание и направленность исторических исследований, вернула исторические исследования к российским приоритетам.

Гуманитарные науки получили огромный толчок в своем развитии с появлением масштабного архивного материала, который ранее был подвергнут секретности. Эта новая информация значительно изменила понимание многих событий в истории России и всего мира, а также позволила эффективно бороться с искажением исторических фактов. Вместе с историками социологи, философы, политологи и культурологи продолжают играть важную роль в исследовании прошлого и настоящего.

В 2023/2024 уч. году для студентов всех высших учебных заведений в Российской Федерации был введён первый мировоззренческий курс в отечественном высшем образовании – «Основы российской государственности»¹. Его введение повлияло на преподавание всех социально-гуманитарных дисциплин и шло параллельно с разработкой курса истории для неисторических направлений подготовки под руководством учёных Российской Академии наук. В коллективном обсуждении была разработана новая концеп-

ция преподавания истории России для неисторических специальностей² и подготовлен новый вузовский учебник³.

Совершенствование преподавания истории России и новый мировоззренческий курс «Основы российской государственности» вместе формируют у студентов комплекс знаний о российской государственности и культуре, о ценностных константах и ориентирах, о вызовах будущего и возможностях профессионального развития.

На данный момент в России формируется уникальная национальная система высшего образования, которая объединяет передовые отечественные и зарубежные методики. Опыт СССР при таком подходе не очерняется, а переосмысливается для применения в новых условиях [43].

Концептуальные подходы и содержание исторической науки разрабатываются в соответствии с государственной политикой в области образования, воспитания и сохранения традиционных ценностей.

Фукс А. Н.

СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ КАК ФАКТОР НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В современных условиях жёсткого противостояния с Западом роль исторической науки и исторического образования выступает как весомый фактор идеологического обеспечения национальной безопасности государства. В условиях

¹ Основы российской государственности: учебно-методический комплекс по дисциплине для образовательных организаций высшего образования / В. М. Марасанова, В. Э. Багдасарян, Ю. Ю. Иерусалимский и др. М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2023. 212 с.

² «Концепция преподавания истории России для неисторических специальностей и направлений подготовки, реализуемых в образовательных организациях высшего образования», утв. протоколом Экспертного совета по развитию исторического образования от 15.02.2023 № ВФ/15-пр [Электронный ресурс]. <https://legalacts.ru/doc/pismo-minobrnauki-rossii-ot-20022023-n-mn-5168376-onapravlenii/> (дата обращения: 14.12.2024).

³ История России: учебник для студентов неисторических специальностей / под ред. Ю. А. Петрова. М.: Наука, 2024. 521 с.

перехода на единую государственно-патриотическую концепцию отечественной истории, стержнем которой является положение о России как государстве-цивилизации [10], необходимо усилить роль социальных функций исторического познания.

Историческая наука служит не мёртвым, она служит живым. Связь между исторической наукой и обществом осуществляется, главным образом, через школьное историческое образование, в котором концентрированно реализуется социальные функции истории. Выделим четыре основные социальные функции исторического познания: 1) выяснение законов и закономерностей исторического развития, обеспечивающее реализацию принципа историзма и научной объективности; 2) прогнозирующая функция; 3) функция социальной памяти, обеспечивающая культурно-историческую преемственность поколений; 4) воспитательная функция, наиболее важная как раньше, так и сейчас в условиях внешних вызовов.

Социальные функции исторического познания следует рассматривать в контексте их взаимозависимости и взаимосвязанности. Большинство историков, вне зависимости от их методологических подходов, признают существование таких социальных функций у истории.

Историзм предполагает рассмотрение исторического процесса через призму взаимообусловленности событий, установления причинно-следственных связей и учёта конкретных исторических условий. Это требует признания существования исторических законов и закономерностей в общественной жизни. Однако в 90-х гг. XX в. эти понятия начали отходить на второй план как в школьном образовании, так и в самой исторической науке. Категории закона и закономерности являются ключевыми для определения науки, а исторический закон подразумевает объективность и повторяемость. Отрицание этих принципов ведет к отри-

цанию истории как науки. В этот период из-за отсутствия продуманной государственной политики в сфере исторического образования наблюдались размытые идеологические ориентиры. Идея деидеологизации стала популярной, хотя она фактически представляла собой скрытую форму идеологического воздействия, направленную на разрушение культурных и исторических традиций. Отказ от признания исторических законов приводит к утрате научного подхода. В последние годы государственные образовательные документы вновь подчёркивают важность формирования у школьников умения оценивать исторические события с позиции историзма.

Прогнозирующая функция истории тесно связана с выявлением исторических закономерностей. Установив устойчивые и повторяющиеся связи, можно предсказывать будущие события. Например, обнаружение циклов в экономике эпохи свободной конкуренции позволило точно прогнозировать экономические кризисы. Однако в политике исторический прогноз часто игнорируется ради решения текущих задач. Функция социальной памяти также важна, поскольку позволяет передавать накопленный опыт поколений. Как отмечал Геродот, история должна сохранять и передавать знания о материальной и духовной культуре.

Воспитательная функция истории играет ключевую роль в формировании мировоззрения молодёжи. Она включает идейно-политическое и нравственное воспитание. Исторические учебники всегда были важным инструментом влияния на общественное сознание, и правители разных эпох понимали значение содержания этих книг. В России первый учебник истории («Синописис») использовался более 100 лет благодаря своему идейному содержанию, которое поддерживало идею единства государства под властью российского самодержавия. В XIX–XX вв. правительство поддерживало учебники охранительного направ-

ления, способствовавшие воспитанию патриотизма и верности престолу. В 1930-х гг. Сталин инициировал создание учебников по истории СССР на основе марксистской формационной теории, контролируя процесс создания единых концепций истории. В советское время допускалось использование только одного утверждённого учебника по каждому курсу истории, что обеспечивало контроль над содержанием образования.

Одной из значительных достижений советской эпохи стало введение всеобщего обязательного среднего образования в начале 1970-х гг., что дало всем молодым гражданам возможность изучать историю своей страны с древности до современности, тем самым усиливая воспитательную функцию истории.

Однако «перестройка» привела не только к системному политическому и экономическому кризису, но и к кризису общественного исторического сознания, исторической науки и школьного исторического образования. Одним из ключевых признаков этого кризиса было отсутствие условий для выполнения социальных функций исторического познания. Изучение комплекса учебников и учебных пособий по русской истории предоставляет дополнительные материалы для анализа кризиса исторического сознания. Этот вопрос требует многогранного подхода: с одной стороны, нужно рассмотреть общий кризис исторической науки, а с другой – кризис отдельных научных направлений. Эти процессы могут не совпадать. Общественно-политический кризис обычно вызывает кризис официальной историографии и, следовательно, кризис школьного исторического образования, содержание которого всегда связано с государственными идеологическими задачами. С. М. Соловьёв выразил суть проблемы, сказав, что общество имеет право задавать вопросы историкам, а историки обязаны на них отвечать. Отсутствие такой обратной связи свидетельствует о кризисе либо

всей историографии, либо её отдельных частей.

В начале 1990-х гг. советские учебники были отвергнуты, однако замены им не нашлось, поэтому учителя продолжали использовать старые учебники по истории СССР. Ситуация усугубилась настолько, что в школах даже начали применять дореволюционные учебники. Большими тиражами выпускались работы таких авторов, как Д. И. Иловайский и М. Я. Острогорский. Например, издательство «Просвещение» в 1993 г. опубликовало учебники И. И. Белярмина и Д. И. Иловайского в рамках серии «Учебники дореволюционной России по истории». Всё это иллюстрирует кризисные явления в образовательной системе постсоветской эпохи.

В 1995 г. было решено включить в федеральный комплект сразу несколько учебников и учебных пособий по одному и тому же курсу истории. Это привело к появлению множества учебников и пособий, многие из которых не соответствовали научным и дидактическим стандартам. Несмотря на это, в процессе разработки новых учебников сформировались основные авторские школы, особенно в издательствах «Просвещение», «Русское слово», «Дрофа» и «ЦГО». Их издания нередко способствовали развитию исторической методике и использовали новаторские методы в создании учебного материала. Хотя авторы пытались применить позитивистский многофакторный подход, они не избежали эклектичности. Тем не менее в этих учебниках поднимались важные и актуальные темы, такие как реформы и реформаторы, модернизация, борьба с сепаратизмом, антитеррор, роль Русской православной церкви в обществе и другие. Решение этих вопросов зависело от политических и методологических взглядов авторов, а также от их принадлежности к различным направлениям исторической науки.

В учебниках начала 1990-х гг. авторы редко обращали внимание на причин-

но-следственные связи. Особенно это проявилось в освещении политической истории XX в., где авторы первых пост-перестроечных учебников перенимали из западной советологии теорию тоталитаризма и применяли её к сталинской эпохе. Советское государство изображалось как враг. Такой подход приводил к сравнению режима нацистской Германии с советским строем, вызывая возмущение у ветеранов Великой Отечественной войны. Учебник А. А. Кредера¹, в котором вина за начало Второй мировой войны возлагалась как на Германию, так и на СССР, был запрещён в ряде регионов страны.

В 2004 г. широкую общественную реакцию вызвало обсуждение учебника по истории России XX в., автором которого был И. Долуцкий. Дискуссии развернулись вокруг содержания учебника, особенно касающегося современной политической истории, что ещё раз продемонстрировало политические взгляды участников обсуждения. Приведём цитату из концовки учебника: «Аналитики уверяют, что в России возникла тупиковая ситуация, когда существующая власть не способна справиться с проблемами», «а приход к власти левой или державной оппозиции, либо лидера с наполеоновскими амбициями лишь усугубит дело»². Трудно найти школьные учебники в европейских, азиатских странах или в США, после прочтения которых ученик сделает вывод, что прошлое страны ужасно, настоящее плохо, а будущее выглядит ещё мрачнее, чем можно себе представить.

Лакмусовой бумажкой отсутствия кризисных явлений в исторической науке и образовательном пространстве является реализация социальных функций истории. В нынешнее тяжёлое время, ког-

да наша страна отстаивает свою безопасность на поле боя, благодаря взвешенной государственной исторической политике осуществлён переход на использование единого учебника отечественной истории в школе, что явилось результатом работы не только правительства, но и единомышленников учёных-историков, чувствующих ответственность за судьбу страны. В течение последних 2 лет широкий отклик в научных и образовательных кругах вызвало обсуждение содержания учебника под редакцией В. Р. Мединского³. Последняя редакция учебника содержит богатый материал для решения задачи воспитания подрастающего поколения в духе любви и преданности Отечеству.

Соловьёв Я. В.

**ПРОБЛЕМА ОБЪЕКТИВНОСТИ
НАУЧНЫХ ПОДХОДОВ НА ПРИМЕРЕ
СОВРЕМЕННОЙ ДИСКУССИИ О ПУТЯХ
РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
XIX – НАЧАЛА XX ВВ.**

После крушения советской системы и отказа от классового подхода в изучении истории в 1990-х гг. в отечественной науке многими исследователями было заявлено стремление следовать концепции объективизма. Эта концепция подразумевает ориентацию на объективность знания, политическую «нейтральность», на воздержание от социально-критических оценок, свободу от суждений о ценностях, а особенно от партийных выводов. Сторонниками концепции были отвергнуты как марксистская формационная схема (как узкопартийная), так и цивилизационная теория, в которой им виделся призрак национализма. Но необходимость выстраивания «объективных законов исторического развития» влекла к стремлению использовать какую-то иную схему, объясняющую эти законы и

¹ Кредер А. А. Новейшая история зарубежных стран. 1914–1997: учеб. для 9 класса основной школы. М.: ЦГО, 1999. С. 130.

² Долуцкий И. И. Отечественная история. XX век: учебник 10–11 класс. М.: Мнемозина, 2002. С. 234

³ Мединский В. Р., Торкунов А. В. История 10 класс. История России 1914–1945 гг.: учебник. М.: Просвещение, 2024. 192 с.

якобы свободную от партийной субъективности.

Совершенно парадоксальным образом на щит была поднята далёкая от принципов объективизма теория модернизации, которой на какой-то момент увлеклись историки, экономисты и политологи, придерживающиеся разных политических позиций, уверенные в возможности приспособить под них модернизационную схему. И вот распространились в исторических и околоисторических трудах термины «большевистская (красная, сталинская) модернизация» [15], «консервативная модернизация» [21; 32], «либерально-консервативная модернизация» [44], «имперская модернизация» [42; 52] и т. п. При том, что теория модернизации изначально была совершенно определённым выражением взглядов на историю с позиций западного либерализма, что не скрывалось её авторами.

Тем не менее части историков теория модернизации представлялась идеальным и объективным объяснением для процессов, характеризующих развитие России в XIX–XX вв. Это было определено глубоким впечатлением от успехов, ускорившихся в конце XX – начале XXI вв. процессов глобализации, которые привели к трансформации даже казавшихся наиболее устойчивыми традиционных институтов по всему миру (отсылаю читателей для примера к интересным социологическим исследованиям японской молодёжи, опровергающим устойчивость присущего японскому обществу воспитания в традиционном духе [28]). Сопровождающая глобализацию универсализация неизбежно влияла и на стремление историков опереться на некие универсальные схемы исторического развития. Но так как известные исторические факты не хотели ложиться в прокрустово ложе таких схем, то вслед за западными обществоведами отечественные выдвигали идеи об отличиях российской модернизации: о её «догоняющем характере», о её асинхронном характере,

присущих ей циклах «реформ–контрреформ», особой роли государства и т. п. [46] И под конец, под влиянием негативных тенденций в развитии современной российской государственности к концу 1990-х гг., ряд исследователей согласились с представителями «пессимистической школы» западных русистов о неудаче и даже крахе модернизации в случае с Российской империей.

Развернувшийся в начале 2000-х гг. спор отечественных «пессимистов» и «оптимистов» вокруг оценок экономического развития и уровня благосостояния населения России накануне революций стал, по моему мнению, самым ярким явлением в развитии современной российской исторической науки. Этот спор, начавшийся с публикации в уже далёком 2001 г. статьи Б. Н. Миронова [41] и ответа на неё Б. В. Ананьича [1], продолжается уже 2 десятилетия. На своём пике, когда в дискуссию включились С. А. Невфёдов, выступающий с традиционных позиций советской историографии и школы И. Д. Ковальченко и утверждающий существование «голодного» экспорта и общего аграрного кризиса в империи в конце XIX в., и М. А. Давыдов, уверенный в успешной модернизации Российской империи в тот же период, спор со страниц научных журналов и монографий перешёл в сферу социальных сетей и вышел за рамки приличий, т. к. противники опустили до личных оскорблений. Научную причину такого накала страстей когда-то объяснил ещё Б. Н. Миронов: «На первый взгляд, предмет дискуссии – материальное положение населения, прежде всего крестьян, после Великих реформ – на самом деле общая оценка развития страны в 1861–1917 гг. и причины революций 1905 и 1917 гг. Благосостояние населения... – интегральный показатель успешности модернизации и одновременно – конечный результат совместных усилий со стороны самого населения и правительства в деле переустройства российской жизни,

сложившегося в крепостное время. Если качество жизни в пореформенное время систематически повышалось, значит, структурные реформы российского общества, начатые в 1860-е гг., по крайней мере, в экономическом отношении, были эффективными, отмечали его насущным потребностям, встретили поддержку со стороны большинства населения» [40].

Так как реформы 1860–1870-х гг. имели откровенно западную ориентацию, то спор об эффективности модернизации России после отмены крепостного права имеет совершенно явную политическую подоплёку. Но участники дискуссии, оперируя в ней в качестве аргументов массивами разнообразных статистических данных (рост новобранцев, показатели урожайности, железнодорожные перевозки и т. д.), претендуют на объективность своих позиций, понимаемую в русле представлений об универсальности научного знания и научных подходов.

Универсальность научного знания казалась аксиомой при условии признания истории наукой, такой же, как математика или химия. Но уже в 1990-е гг. вызов такому подходу бросил историк А. Н. Быханов, заявивший своей целью рассмотрение истории с позиций православно-го человека. В итоге в его оценке путей развития Российской империи были полностью смещены акценты от анализа эффективности её экономической и политической модернизации, понимаемой как приближение к западным образцам, к анализу процессов духовного разложения и кризиса православного мировоззрения русского народа под влиянием западных идей и западного примера.

Нарастающий в последние годы конфликт с Западом сейчас привёл к появлению концепции «суверенной российской науки». Западный универсализм не просто поставлен под сомнение – он объявлен врагом. А. Г. Дутин призвал к «полной и глубинной эпистемологической деколонизации русского сознания», к освобождению «от многовекового влияния токсич-

еских установок, зачаровавших русскую мысль, подчинивших её отчуждённым системам и мировоззрениям» [22].

Таким образом, теория модернизации теперь признаётся элементом западного колониализма, а концепция объективизма, как и в советское время, подвергнута сомнению как проявление ложной идеи универсальности исторической науки. А в развитии Российской империи акцент внимания смещается с оценки успешности/неуспешности её заимствований у Запада, на рассмотрение её принципиального противостояния с ним.

Но невозможно не обратить внимание на то, что, небезосновательно обвиняя Запад в эгоцентризме, в навязывании своих научных ценностей как универсальных, сторонники концепции «суверенной исторической науки» сосредоточены именно на противостоянии России и западной цивилизации (исторических путей восточного и западного христианства), а всё остальное разнообразие человеческой цивилизации оказывается как бы на окраине их научного интереса.

Жиряков И. Г.

К ВОПРОСУ О «ГОРБАЧЁВСКОМ» ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОМ КУРСЕ В ОТНОШЕНИИ К ЕВРОПЕЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Со второй половины 80-х гг. ушедшего века меняется, как известно, политический курс КПСС и СССР. М. С. Горбачёв ввергает страну в перестройку. Кстати, некоторые зарубежные аналитики, внимательно следившие за первыми шагами перестройки, отмечали, что «пока она не определила чётких направлений развития», что для неё «характерна путаница и неразбериха»¹. Трудно удержаться от желания заметить, что эта перестройка так и осталась «путанной» и «суматошной».

¹ Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 156. Оп. 53. П. 93. Д. 2. Л. 5.

В начавшейся перестройке меняется и советская внешняя политика в отношении стран Запада, появляется в «горбачёвской» лексике понятие «новое политическое мышление».

Конечно, обновление внешнеполитического курса СССР было необходимо, но как и насколько? Эти вопросы были и остаются в центре внимания всех политически не ангажированных исследователей истории СССР накануне его распуска. Вот что писал в своих воспоминаниях Н. И. Рыжков, бывший член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета министров СССР, находившийся в «команде Горбачёва», правда, потом вышедшего из неё: «Объективно говоря, внешнюю политику, конечно, нужно было проводить... Но, на мой взгляд, Горбачёвым двигали другие устремления – стать фигурой мирового масштаба, новым «мессией», который спустился к нам, чтобы полностью изменить мир. Это льстило его непомерному самолюбию и амбициозности» [49].

И далее: «Внешняя политика Горбачёва–Шеварднадзе (его подручного в роли министра иностранных дел СССР) привела к падению международного авторитета нашего государства. В результате в течение нескольких лет мы потеряли статус супердержавы, а мир – двухполярную систему геополитического равновесия, позволявшую ему относительно благополучно просуществовать всю вторую половину XX века» [49].

Но на полях сегодняшнего нашего «исторического пространства» остаётся немало тех, кто пытается всеми силами защищать «горбачёвскую» политику вообще и его внешнеполитический курс в частности. Так, на конференции в «Горбачёв-фонде», проведённой в начале марта 2021 г. и посвящённой 90-летию М. С. Горбачёва, немало выступавших пели «оды» внешнеполитическому курсу своего кумира¹.

¹ «Человек, который изменил мир». К 90-летию Михаила Сергеевича Горбачёва [Электронный

На самом деле все рассуждения и действия в русле «нового политического мышления» во внешней политике свелись к односторонним уступкам СССР практически по всем вопросам тогдашней международной повестки. Иного ожидать было невозможно, поскольку ясно было, что реализовать все предложения М. С. Горбачёва можно было только при условии существования глобального консенсуса во взглядах на ключевые проблемы всех руководителей ведущих государств [39]. А этого по определению ожидать было невозможно.

С «новым политическим мышлением» должно было логично проявиться и новое отношение СССР к интеграционному процессу в Европе. По утверждению тогда имевшего репутацию «серьёзного» западного экономического журнала «Trend», «новое руководство СССР не считает капиталистическую экономическую систему “заклятым врагом” и призывает тщательно изучать её структуру»².

В декабре 1985 г. А. Н. Яковлев, как известно, последовательный проводник «нового политического мышления», на совещании в ЦК КПСС руководителей средств массовой информации говорил, что внешнеполитическая активность Советского Союза, помимо других направлений, будет включать в себя и «широкую разностороннюю работу с западноевропейскими странами»³. Но он не стал при этом раскрывать своё понимание смысла этой «работы».

Отечественные и зарубежные исследователи полагают, что в это время к советскому руководству приходит понимание необходимости признания Европейского сообщества как «политической единицы». Это признание они преподносят как результат кардинального переос-

печурп]. URL: https://www.gorby.ru/activity/conference/show_1462/ (дата обращения: 19.12.2024).

² АВП РФ. Ф. 156. Оп. 53. П. 93. Д. 2. Л. 6

³ Архив Александра Н. Яковлева [Электронный ресурс]. URL: <https://alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1023349> (дата брашения: 19.10.2024).

мыслины новыми советскими вождями понятия взаимозависимости, значимости процессов интернационализации и интеграции [26; 60].

Так ли это? На самом деле, по мнению ряда исследователей, всё было куда проще. Соответствующие отделы ЦК КПСС и различные аналитические группы снабжали высшее руководство необходимой информацией, раскрывающей сущность реальной политики Европейского сообщества, её целей, одна из которой предполагала создание внутреннего европейского рынка.

Реализация этой цели могла привести к проблемам допуска товаров на этот рынок. Отсюда и изменение позиции СССР по отношению к Европейскому сообществу¹, поскольку рассчитывать на СЭВ как главного потребителя «товарной массы» было нельзя. Указанное обстоятельство подтверждали и в Евросообществе; там утверждали, что «решимость Сообщества реализовать программу формирования единого рынка к 1992 году», послужила причиной изменения позиций к Европейскому сообществу в советском руководстве².

К этому, наверное, будет правильным добавить и надежды на получение конкретной помощи от ЕС, его финансовых структур³. Хотя вышеприведённые суждения принять за абсолютно точные вряд ли можно, памятуя об английском исследователе Н. Малкольме, написавшего книгу о советской политике в Западной Европе, в которой содержится любопытная констатация: «Формирование новой европейской политики Советского Союза является особой загадкой для всех» [60].

Некоторым аналитикам на Западе было видно, как руководство КПСС и

СССР пытается уйти от прежних резких оценок европейской экономической интеграции. 1 июля 1986 г. последовало, пожалуй, впервые признание Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачёва об успехах европейской интеграции⁴. Это признание непременно должно было привести к изменению позиции по отношению к европейской экономической интеграции. И это изменение произошло...

Начинается переписка В. В. Сычева, Секретаря Совета СЭВ, с видным функционером ЕЭС В. Д. Клерком об установлении официальных отношений между СЭВ и ЕЭС, а также между странами – членами СЭВ и Сообществом⁵. 25 июня 1988 г. было подписана Совместная декларация об установлении официальных отношений между СЭВ и ЕЭС, которая завершила процесс нормализации связей между двумя крупнейшими интеграционными организациями⁶.

Одновременно шёл процесс нормализации отношений между СССР и ЕЭС. В августе 1988 г. последовало установление двусторонних отношений между Советским Союзом и Сообществом⁷.

В декабре 1989 г. Советский Союз заключил Соглашение о торговле и сотрудничестве с Европейским экономическим сообществом, Европейским объединением угля и стали и Европейским сообществом по атомной энергии о торговле и коммерческом сотрудничестве⁸.

⁴ Горбачёв М. С. Избранные речи и статьи. Т. 3. М.: Политиздат, 1987. С. 480.

⁵ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 302. Оп. 2. Д. 2319. Л. 5.

⁶ Декларация об установлении официальных отношений между СЭВ и ЕЭС. Люксембург, 1988 год // Документы Европейского Союза. Т. 3. М., 1994. С. 9–11.

⁷ Установление официальных отношений между СССР и ЕЭС // Вестник МИД СССР. 1988. № 14. С. 19.

⁸ Соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Европейским Экономическим сообществом и Европейским сообществом по атомной энергии о торговле и коммерческом сотрудничестве 1989 года // Документы Европейского Союза. Т. 3. М., 1994. С. 12–31

¹ Мировая экономика и международные отношения. 1989. № 4. С. 38–44.

² European Information. External Relations. Brus.: CEC. № 1, 1989. P. 3.

³ La Communauté et la Banque européenne pour la reconstruction et le développement. Bruxelles: Commission des Communautés Européennes. COM (90) 190, final, 7 Mai 1990.

Названные важные соглашения позволяют некоторым отечественным исследователям называть их конкретными позитивными результатами новой «европейской» политики Горбачёва [12].

На заседании Европейского Совета в Риме 14–15 декабря 1990 г. было достигнуто соглашение о финансовой поддержке Европейскими Сообществами экономических реформ в СССР, которые должны были обеспечить, по мнению ЕС, переход от плановой к рыночной системе хозяйствования.

Параллельно описываемому процессу установления отношений между СССР, СЭВ с ЕЭС и странами этого объединения шёл процесс реформирования СЭВ.

Разобравшись, как писал Горбачев, «в ворохе» статистических данных, всевозможных записок, представленных Совмином, нашим представительством в СЭВе, посольствами, МИДом, научными институтами, он подготовил Записку в Политбюро ЦК КПСС «О некоторых вопросах сотрудничества с соцстранами», обсуждение которой произошло в мае 1986 г.¹. В этой записке констатирующая часть, касающаяся проблем в СЭВе, не вызывает возражения.

В ноябре 1986 г. в Москве встретились руководители ряда стран – членов СЭВ. Там, конечно, «солировал» М. С. Горбачёв. Он говорил, что «прежние формы сотрудничества себя исчерпали», «привычная модель экономических отношений уже не работает», «товарооборот между странами СЭВ в последние годы растёт медленнее, чем внутренний продукт, тогда как в Западной Европе всё обстоит наоборот»². «Вроде бы рассуждали основательно, не уходили от болезненных, “неприятных” проблем, а у меня все-таки оставалось впечатление некоторой теоретической отстранённости», – делился своими впечатлениями позднее М. С. Горбачёв³.

Трудно поверить в «теоретическую отстранённость» опытных руководителей восточно-европейских соцстран (Кадар, Хоннекер, Живков, Гусек, Ярузельский). Скорее, можно предположить, что реальной программы реформирования СЭВ из уст Горбачёва лидеры соцстран не услышали.

На заседании Исполкома СЭВ в октябре 1987 г. состоялся большой разговор о проблемах и задачах СЭВ⁴. Обсуждалась «Комплексная программа научно-технического прогресса стран – членов СЭВ до 2000 года» и проект «Коллективной Концепции международного социалистического разделения труда на 1991–2005 гг.»⁵. Речь шла также и о совершенствовании системы управления в СЭВ⁶.

Но всем начертанным на этом заседании «величественным планам» не суждено было сбыться. В европейских социалистических странах – членах СЭВ ускорились необратимые процессы; оппозиционные к правящим компартиям силы повели за собой подавляющее большинство людей к смене политической и социально-экономической моделей.

На фоне нарастания этих негативных для коммунистов явлений в соцстранах в горбачёвском руководстве начинают возникать, как считают многие исследователи, представления о том, что от союзников лучше «дистанцироваться» – это позволило бы снять, по мнению первого заместителя заведующего международным отделом ЦК КПСС К. Н. Брутенца, ответственность за положение в этих странах [13].

Некоторые аналитики называют и другие причины свёртывания отношений СССР с пока ещё остающимися соцстранами Европы. Советское руководство приняло решение отойти, как язвительно писали на Западе, от «кормления» своих восточноевропейских союзников. Западные расчёты, кстати, показывали,

¹ Горбачёв М. Жизнь и реформы. Кн. 2. М., 1995.

² Там же.

³ Там же.

⁴ РГАЭ. Ф.302. Оп.2. Д.2348. Л.9

⁵ РГАЭ. Ф.302. Оп.2. Д.2348. Л.Л. 5,7

⁶ Там же. Л.8

что только в 1980 г. стоимость советских трансфертов для европейских членов СЭВ составила 18 млрд долларов и ещё 5 млрд долларов для Кубы, Вьетнама и других зависимых стран¹.

Так или иначе, все рассуждения М. С. Горбачёва в 1986–1987 гг. о необходимости обновления и совершенствования системы взаимоотношений в рамках СЭВ «выбрасывались в корзину». Сложные экономические условия толкали лидера КПСС и СССР и его единомышленников на сворачивание масштабного «взаимовыгодного сотрудничества» со странами СЭВ, но сделано это было крайне не продумано.

Болгарский журналист В. Найденов, который присутствовал на последней сессии СЭВ в январе 1990 г. в Софии, рассказывает о растерянности руководителей делегаций, когда председатель совета министров СССР Н. И. Рыжков «спокойно заявил, что торговля за переводные рубли между странами СЭВ прекращается, что валютой должен служить доллар». Ошеломлённая чешская делегация заявила: «Но в таком случае нам придется выйти из СЭВ?!»; Н. И. Рыжков ответил: «Ну и выходите. Да, пожалуйста!»².

29 июня 1990 г. Госплан СССР официально объявил о выходе страны с 1 января 1991 г. из сложившейся системы расчётов между социалистическими странами, входившими в ЕЭС, и переводе торговых отношений СССР со странами СЭВ на конвертируемую валюту [11]. Понятно, что решение Госплана было одобрено высшим партийным и государственным руководством. Оно, естественно, подорвало систему интеграционных связей внутри СЭВ. Это признавал, конечно, позднее и Горбачёв³.

На XXVIII съезде КПСС (2–13 июля 1990 г.) о проблемах развития СЭВ ни в

докладе М. С. Горбачёва, ни в выступлении Н. И. Рыжкова не было сказано ни слова. Правда, последний произнёс фразу «рыночные отношения объективно содержат в себе интеграционные начала»⁴, но она была высказана в контексте интеграции союзных республик. И только «идеолог перестройки» А. Н. Яковлев цинично (учитывая его скрытое внутреннее понимание, выраженное позже, что всё идёт по его разрушительному плану) заявил: «СЭВ перестраивается, действительно перестраивается... Я думаю, что СЭВ как организация экономическая, перестроив свою работу, имеет будущее»⁵. Спустя менее года – 28 июня 1991 г. – СЭВа не стало.

В научной и общественно-политической литературе содержится большой пласт публикаций, в которых предпринимаются попытки определить причины развала СЭВ. Многие авторы этих публикаций заняты поиском «пороков» в социалистической интеграции, сводя свои рассуждения к утверждению о закономерной гибели социалистической модели, а значит и социалистической интеграции. Все подобного рода суждения основываются на идеологии рыночной экономики. В таком случае говорить о дискуссии не приходится.

Но для не предвзятого и политически не ангажированного исследователя были и остаются вопросы, связанные с определением места социализма вообще и социалистической интеграции в частности в истории восточноевропейских стран. Нельзя не игнорировать факт, что в 1950–1980 гг. в Восточной Европе международная система экономического сотрудничества стран «социалистического лагеря» делала шаги в сторону более справедливого выравнивания экономи-

¹ John F. Burns. The deep strains in comecon // The New York Times. 1983. 10 May

² Комсомольская правда. 2013. 23 мая.

³ Горбачёв М. С. Жизнь и реформы. Кн. 2. М., 1995. 656 с.

⁴ XXVIII съезд Коммунистической партии Советского Союза, 2–13 июля 1990 г.: Стеногр. отчет. Т. 2. М.: Политиздат, 1990. С. 127.

⁵ Там же. С. 618

ческих показателей, чем это происходит сегодня в ЕС¹.

Социалистическая интеграция, как бы критично к ней не относились, не предполагала создание чётких и жёстких наднациональных институтов, как это сделано в ЕС. Именно в СЭВ наблюдались такие принципы построения интеграции, как равноправие, обеспечение экономического роста для всех членов Совета, построение сбалансированной структуры экономики [31].

За короткий срок восточноевропейские социалистические страны превратились в промышленно-развитые государства. Деятельность СЭВ и помощь СССР восточноевропейским партнёрам создали тот базис, который позволяет восточноевропейской экономике существовать и сегодня. Восточноевропейские участники СЭВ получили также положительный опыт деятельности в различных формах международных интеграционных связей, аналоги которых присутствовали и в западноевропейской интеграции. Были сформированы, наконец, институциональные структуры, подготовлены специалисты, хорошо разбиравшиеся в интеграционных процессах, что поможет потом восточноевропейским странам «обустраиваться» в Евросоюзе.

Возвращаясь к политике советского руководства в отношении Европейского сообщества, надо отметить, что в этой политике «царствовали» несбыточные ожидания, «романтизированные представления об успехах европейской интеграции и возможности быстрого присоединения к ЕС параллельно динамичным внутренним преобразованиям в стране»².

На XXVIII съезде КПСС, состоявшемся в начале июля 1990 г., М. С. Горбачёв

прямо не говорил о европейской экономической интеграции, но не мог, наверное, не заметить, что «нельзя выйти к процветающему, свободному и демократическому обществу в одиночку, противопоставляя свой путь другим путям общественного развития»³.

М. С. Горбачёву вторил и его верный единомышленник Э. А. Шеварнадзе, который, кстати, сам себе не верил в то, что «вчерашний партийный работник может в одночасье стать профессиональным дипломатом»⁴. Так вот, этот «партийный работник-дипломат» говорил на съезде: «У нашей страны нет будущего вне интеграции в общую мировую систему экономических, финансовых институтов и связей»⁵.

М. С. Горбачёва и его окружение охватила чрезмерный оптимизм. Он со своими единомышленниками стал считать, что развитие связей с Европейским сообществом положительно воздействует на развитие советской экономики и её реформирование.

Какими нелепыми выглядят сегодня ожидания «горбачёвцев»; им не могла даже прийти мысль о том, что коллективный Запад делает всё, чтобы навсегда похоронить социалистическую экономику, а вместе с ней и социалистические государства.

М. С. Горбачёв и его окружение явно переоценили искренность заявлений и первых действий Запада вообще и Сообщества в частности в отношении СССР. На заседании парламентской ассамблеи Совета Европы в Страсбурге в 1989 г. выступление М. С. Горбачёва было встречено овацией. За что же он удостоился их? Рукоплескали генсеку КПСС за сказанные слова о том, что наша страна принимает европейские основополагающие ценности⁶.

¹ Логинова А. С., Травина Л. А. Сравнительно-правовое исследование деятельности Совета экономической взаимопомощи, Европейского экономического союза и Евразийского экономического союза [Электронный ресурс]. URL: <http://dx.doi.org/10.14420/ru.2015> (дата обращения: 19.12.2024).

² История европейской интеграции (1945–1994 гг.) М., 1995. С. 297.

³ XXVIII съезд Коммунистической партии Советского Союза, 2–13 июля 1990 г.: Стеногр. отчет. Т. 1. М.: Политиздат, 1991. С. 81

⁴ Там же. С. 157

⁵ Там же. С. 162

⁶ Россия в глобальной политике. Т. 1. № 2. С. 27.

Пройдёт 30 лет, и «демократический мир» в лице коллективного Запада отвергнет все эти «европейские ценности» в отношениях с правопреемником Советского Союза – Россией.

Лазарева Л. Н.

ПУБЛИКАТОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АРХИВА КАК ОТВЕТ НА ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ

С обострением геополитических противоречий усилились не только мифологизация прошлого, но и сознательная фальсификация исторических фактов. К тому же в современном мире этот процесс накладывается ещё и на острый кризис традиции как элемента межпоколенной коммуникации [58]. Поэтому одним из значимых трендов трансформации исторической науки стало вхождение в число приоритетных исследовательских направлений проблематики формирования культурной памяти, которая «цементирует» цивилизацию общими представлениями о прошлом и будущем [47].

Вместе с тем (а во многом и вследствие обозначенных выше факторов) развивается институциональная трансформация архивов как ключевых хранителей документальной памяти социума [37], обладающих мощным потенциалом противодействия фальсификации истории. Именно документальные «сокровища», наполняющие архивохранилища, способны зримо явить обществу сложнейшие противоречивые процессы XX в., позволяя видеть не «плоскую картинку» чёрно-белого мира, а многообразие красок нашего героического и трагического прошлого и критически оценивать информацию, построенную на жонглировании фактами или даже на их подмене вымыслом, нередко встречающуюся в современном публичном пространстве. Представляется важным сформулированный екатеринбургским историком Л. Н. Мазуром запрос на актуализацию документальной памяти, требующий

смены приоритетов в деятельности архивов: «Не только обеспечение сохранности документального наследия, но и создание условий для его использования (доступности), является важнейшей функцией архива, позволяющей реализовывать миссию института памяти» [38, с. 102].

В качестве примера эффективной деятельности архива, направленной на актуализацию документальной памяти, можно привести документально-издательский проект по позднему сталинизму на базе Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), осуществляемый под руководством лауреата Государственной премии РФ в области науки и техники В. В. Журавлёва. Учитывая важность общественного запроса на реализацию исторической наукой своих мировоззренческих функций, представляется своевременной публикация документов, раскрывающих особенности послевоенного развития СССР в условиях стремительно развернувшегося геополитического противостояния.

Основой отбора документов для публикации стал анализ периода позднего сталинизма через призму концепции догоняющей модернизации [25]. Исходя из этого, в первую книгу («Сталинское экономическое наследство: планы и дискуссии»¹) были отобраны источники, характеризующие поиск доктринальных оснований долгосрочной стратегии, а во вторую («Социальная политика СССР в послевоенные годы»²) – раскрывающие особенности послевоенной социально-экономической политики. Причём, благодаря поступившим в ЦК ВКП(б) из регионов отчётам, докладным запискам и информации местных партийных и го-

¹ Сталинское экономическое наследство: планы и дискуссии. 1947–1953 гг.: Документы и материалы / сост. В. В. Журавлев, Л. Н. Лазарева. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 647 с.

² Социальная политика СССР в послевоенные годы. 1947–1953 гг.: Документы и материалы / сост. В. В. Журавлев, Л. Н. Лазарева. М.: Научно-политическая книга, 2020. 718 с.

сударственных управленцев, составителям удалось показать не только ключевые механизмы, но и противоречия «сталинской» социально-экономической модели, потребовавшие её корректировки сразу после смены лидера партии.

Логика концептуального отбора документов потребовала заключительный сборник публикаторского проекта (работы над которым сейчас подходит к завершению), посвятить особенностям культурной политики – важнейшего и крайне противоречивого аспекта догоняющей модернизации «по-советски».

Изначально коллектив составителей планировал оставаться в тех же хронологических рамках, которых придерживался в уже изданных книгах: с 1947 г. (границы выхода СССР из военной экономики и перехода к мирной жизни) по 1953 г. (смены лидеров на влажном Олимпе). Но знакомство с делопроизводственной документацией Управления Агитации и Пропаганды ЦК ВКП(б) внесло коррективы, сдвинув нижнюю хронологическую границу к 1943 г. – выяснилось, что уже в годы войны отчётливо прослеживаются ключевые процессы, намечавшие траекторию движения в мирное будущее.

Ещё одной особенностью работы над новым этапом документально-издательского проекта РГАСПИ стал выход на межархивный уровень. Сотрудничество с Российским государственным архивом литературы и искусства (РГАЛИ) заметно обогатило источниковую базу готовящегося сборника. Своеобразный «диалог» документов двух архивов, дополняющих друг друга, помогает составителям выявлять ключевые особенности советской культурной политики: делопроизводственная документация Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б)¹ даёт возможность «приоткрыть завесу» над механизмами принятия решений и реконструировать процесс выработки важнейших идеологем, «скреплявших» совет-

ское общество не только в послевоенные, но даже и в последовавшие за ними годы (вплоть до начала политики перестройки в 1985 г.) – материалы Комитета по делам искусства при Совете министров СССР² демонстрируют особенности воплощения в жизнь установок ЦК ВКП(б) как в центре, так и в регионах. К тому же включение в сборник источников личного происхождения из фондов РГАЛИ позволило составителям продолжить работу в рамках антропологического подхода, рассматривая исторические процессы и на микроуровне – через отзывы творческой интеллигенции, доверенные записным книжкам и дневникам.

В первый раздел вошли источники, раскрывающие как политику восстановления сферы культуры, так и развернувшийся активный поиск смыслов, транслируемых в массы творческой элитой. Второй раздел посвящён послевоенным идеологическим кампаниям, характеризующим особенности практической реализации установки на мобилизацию советского общества как в Центре, так и на региональном уровне. Документы третьего раздела рассказывают о завершающем этапе культурной политики позднего сталинизма, предоставляя читателю возможность сделать собственные выводы о её противоречивых результатах.

Каждый этап публикаторского проекта РГАСПИ по позднему сталинизму развивал устоявшиеся в историографии мифы и углублял понимание процессов, развернувшихся в формировавшейся Ялтинско-Потсдамской системе и их влияния на траекторию послевоенного развития страны. Не исключением стал и третий сборник данного цикла.

К сожалению, в рамках круглого стола невозможно подробно рассказать обо всех находках при публикации документов о культурной политике позднего сталинизма. Но всё-таки, хоть и коротко,

¹ РГАСПИ. Ф. 17 – ЦК ВКП(б) – КПСС.

² РГАЛИ. Ф. 963. Комитет по делам искусств при Совете Министров СССР (Москва, 1936–1953 гг.)

уделим внимание первому разделу готовящегося сборника.

Публикация включённых в него документов особенно актуальна в наступающий юбилейный год Победы: с одной стороны, источники показывают культурную политику как механизм, обеспечивший мобилизацию советского общества в противостоянии нацизму (например, к февралю 1943 г. концертными бригадами и театрами в действующих частях и в госпиталях, на фронте и в тылу советские артисты провели более 200 тысяч концертов и спектаклей¹), а с другой – демонстрируют усилия государства, направленные на восстановление сферы культуры (впечатляет, когда уже в мае 1943 г. поднимаются вопросы, связанные с сохранением культурного наследия², или в августе 1944 г. подробно анализируется на верхних этажах власти состояние культурных и политико-просветительных учреждений в деревне и разрабатываются меры по оказанию им помощи³).

Наряду с этим публикуемые документы добавляют важные штрихи к портрету общества, выдержавшего испытания военного лихолетья, например: демонстрируют запрос самих участников событий на увековечивание памяти павших

и фиксации злодеяний, сотворённых на советской земле (уже в мае 1943 г. Смоленский Облисполком и Обком ВКП(б) приняли решение о создании постоянно действующей выставки музея «Смоленщина в Великую Отечественную войну» – город был освобождён 25 сентября 1943 г.)⁴.

Представляется важным и то, что публикуемые источники дополняют наши представления о трудностях жизни в эвакуации (например, о том, как бытовая неустроенность усиливала националистические настроения⁵) и об усилиях государства, направленных на материальную поддержку научных работников и членов творческих союзов⁶.

Не менее интересной «сюжетной линией» готовящегося документального сборника является комплекс материалов, раскрывающих процесс формирования важнейших для советского общества идеологем.

¹ РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 3. Д. 1178. Л. 281.

² Письмо историков А. М. Панкратовой, А. И. Андреева, К. В. Базилевича, Н. Н. Воронина, С. В. Киселева И. В. Сталину о мерах по сохранению монументальных памятников русского национального искусства. 6 мая 1943 г. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 216. Л. 55–56 об. Реакцией на обращение стало Постановление СМ РСФСР № 389 «Об охране памятников», которое предписывало произведения древнерусского зодчества, кремни, крепости, монастыри и т. п. сооружения использовать только по музейному или их прямому назначению. (Эл. Ресурс. Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик [Электронный ресурс]. URL: https://libussr.ru/doc_ussr/ussr_4641.htm (дата обращения: 15.12.2024).

³ Докладная записка Г. Ф. Александрова А. А. Андрееву, Г. М. Маленкову, А. С. Щербакову о состоянии культурных и политико-просветительных учреждений в деревне. 23 августа 1944 г. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 302. Л. 10–15.

⁴ Ходатайство председателя исполкома смоленского областного совета депутатов трудящихся Р. Е. Мельникова, секретаря смоленского обкома ВКП(б) Д. М. Попова об увеличении ассигнований на организацию постоянно действующей выставки «Смоленщина в годы Великой Отечественной войны» секретарям ЦК ВКП(б) В. М. Молотову, Г. М. Маленкову. 23 февраля 1944 г. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 302. Л. 1–3.

⁵ Докладная записка директора киевского театра музыкальной комедии В. П. Гонтаря, секретаря партийной организации театра В. Ф. Козерацкого, председателя профсоюзного комитета Б. А. Хенкина об эвакуации Киевского государственного театра музыкальной комедии в Казахстан секретарю ЦК ВКП(б) А. А. Андрееву и секретарю ЦК КП(б) Казахстана Н. А. Скворцову. 16 августа 1943 г. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 216. Л. 75–95.

⁶ Письмо неизвестного автора о материальном положении советских писателей заместителю председателя Совета народных комиссаров СССР Л. П. Берии. 14 января 1944 г. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 285. Л. 8–16. В 1944 г. порядок снабжения работников науки, искусства и литературы был изменен приказом № 480 Народного Комиссариата торговли СССР от 7 октября – члены и кандидаты в члены творческих союзов получили право на обеды по литеру «Б» и дополнительный сухой паёк. Работники науки, искусства и литературы прикреплялись к закрытым магазинам.

Партийные и государственные чиновники жёстко контролировали репертуар, требуя от деятелей культуры трансляции выработанных ЦК ВКП(б) смыслов. На совещании драматургов и театральных деятелей в КПДИ при СНК СССР 24 мая 1943 г. Ф. П. Бондаренко (выступавший здесь в роли государственного чиновника) наставлял: «...наша Родина ведёт всенародную борьбу, и задача искусства, которое должно мобилизовать этот народ, показать эту борьбу, зажечь народ большой ненавистью к врагу. Эта задача и заключается в народности нашего искусства. Нам нужна народность в искусстве, а её не хватает...»¹. Из зала задали вопрос: «Что такое народность?»². Федор Пименович попытался сформулировать: «...Русские писатели любили русский народ за патриотизм, за пламенную любовь к своей Родине, к своей природе, любили за высокую идейность, преданность идее, преданность до самозабвения, до самоотвержения, за беззаветную храбрость, за служение идее, за любовь к свободе, ненависть к рабству, к самодурству, за трудолюбие, упорство в труде, за гуманизм, желание помочь всем, кто в этом нуждается, за коллективизм, за товарищество, за дружбу, за природный ум, за знаменитую русскую смекалку, за широту взглядов, за высоту чувств, за высокие моральные чувства, за честность, искренность, прямодушие и благородство. Вот образ русского человека...»³.

Обращение к национальным корням в преддверии военного лихолетья дало дополнительную опору, способствовавшую объединению общества. Сложность состояла в том, что в огромном многонациональном государстве, построенном к тому же на идеологии, требовался очень тонкий баланс между национальной компонентой патриотизма и интернацио-

нальным вектором идеологии большевиков. Руководители культурной политики страны чутко уловили опасность⁴. В ходе развернувшегося на IX пленуме Союза Советских писателей СССР (5–9 февраля 1944 г.) острого обсуждения представителями творческой элиты требований к содержанию их произведений, партийные лидеры получили подтверждение важности и глубины возникшей проблемы [34]. Реакцией ЦК ВКП(б) стала попытка создать чёткую систему координат, обозначив «красные линии», переступить которые не допустимо. Важным этапом поиска парадигмы советского патриотизма стало совещание историков (весна–лето 1944 г.). Продолжился он и после войны уже в условиях развернувшегося блокового противостояния в более жёсткой форме: разброд и шатание в осаждённой крепости (как воспринимали СССР его руководители) не допустимы; от лидеров мнений требовалось транслировать установки партийного «штаба». Трагедией «творцов» стало то, что критерии так и не были достаточно чётко сформулированы и были далеко не всегда им понятны.

В завершении можно резюмировать: результатом расширения хронологических рамок заключительного сборника публикаторского проекта о позднем сталинизме является введение в публичное пространство комплекса документов, дающих возможность всем интересующимся отечественной историей составить собственное мнение о вкладе культурной политики в победу над нацизмом, опираясь при этом на фактический материал, раскрывающий в совокупности как сложность и противоречивость политики в области культуры, так и «кухню» формирования её парадигмы. Составителям представляется это достойным вкладом в актуализацию документальной памяти современного общества и эффективным механизмом противодействия фальсификации истории.

¹ Стенограмма совещания драматургов и театральных деятелей в КПДИ при СНК СССР 24 мая 1943 г. РГАЛИ. Ф.962. Оп.3. Д.1185. Л.14–28

² Там же. Л. 18.

³ Там же. Л. 25.

⁴ Такие выводы позволяет сделать, например, критика сценария А. П. Довженко «Украина в огне». РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 293. Л. 11–15.

Куренкова Е. А.

**НАУЧНАЯ ШКОЛА «ЦЕННОСТНЫЕ
ОСНОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ
ПРОЦЕССОВ В РОССИИ»:
АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД
В ОСМЫСЛЕНИИ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ
СИСТЕМ**

Указ Президента № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения»¹ обозначил запрос на применение методологии цивилизационного подхода при объяснении исторических процессов и представлению истории России. Ещё в XIX столетии Н. Я. Данилевским [18], а позже О. Шпенглером [57] и А. Тойнби [53] были сформулированы положения об историческом развитии цивилизаций сообразно с различием ценностей. Продолжателями этой линии в российской обществоведческой мысли в постсоветский период выступили А. С. Панарин [45] и В. Л. Цымбурский [56]. А. Г. Дугин соединил теорию цивилизаций с геополитикой [23; 24]. Однако научных школ, работающих в парадигме цивилизационного подхода в российском обществоведении, фактически не сложилось.

Дефицитность применения цивилизационного подхода в российских общественных науках и истории в частности особо остро обозначилась в последние годы. Парадоксальность сложившейся ситуации состояла в том, что приверженность цивилизационному подходу была заявлена на уровне высшей государственной власти, тогда как обществоведческие науки опирались преимущественно на иные методологические парадигмы.

Ввиду возникшей проблемы генерирования основ новой российской теории государства-цивилизации целесоо-

бразно обратить внимание на научную школу, сложившуюся в Государственном университете просвещения, акцентированно развивающую методологию цивилизационного подхода. Государственный университет просвещения преемственен в своём становлении своим прежним институциональным воплощениям – Московскому областному педагогическому институту им. Н. К. Крупской, Московскому педагогическому университету и Московскому государственному областному университету, а соответственно, и заложенным ими научным традициям.

Научная школа «Ценностных оснований общественных процессов в России» развивает аксиологический подход в осмыслении цивилизационных систем. Цивилизационно-идентичные ценности составляют фундамент цивилизаций, определяя их системы жизнеустройства. Ценностный подход исходит из определения базовых ценностей, на основе которых устанавливаются цели, далее выявляются проблемы как препятствия к достижению целевых ориентиров, находятся средства к их решению и тем самым достигается результат.

Ценностный подход в разработках научной школы соединён с развитием теории цивилизаций. Фундаментом цивилизационных сообществ являются базовые для них ценности, и соответственно, исследование феномена цивилизаций невозможно без применения инструментария аксиологии [3]. Ценностно-цивилизационный подход был положен в основу разработки федерального УМК по курсу «Основ российской государственности»², активное непосред-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 08.05.2024 г. № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения» // Президент России: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50534> (дата обращения: 19.12.2024).

² Изучение истории российской государственности: учебные материалы образовательного модуля: учебно-методич. пособие и УМК для вузов / В. М. Марасанова, В. Э. Багдасарян, Ю. Ю. Иерусалимский, М. В. Дмитриев, В. В. Дементьева, С. В. Любичанковский, А. В. Урядова, В. П. Федюк. Ярославль: Индиго, 2023. 540 с.; Основы российской государственности: учебно-методический комплекс по дисциплине для образовательных организаций высшего образования / В. М. Мараса-

ственное участие в формировании которого приняли представители научной школы [27].

Формирование научной школы уходит к начальным этапам истории Государственного университета просвещения. В первую плеяду историков, преподававших в вузе, входили выдающиеся отечественные учёные: Б. А. Рыбаков, В. М. Хвостов, Б. Ф. Поршнев, Н. Л. Рубинштейн, А. З. Манфред, П. А. Зайончковский и др. [2; 30; 50]. Несмотря на доминацию марксистской методологии, каждый из них привнёс свою лепту в развитие методологических подходов советской историографии. Осевой линией тем не менее стал патриотический нарратив и государственнический подход в представлении российского исторического процесса. Труды академика Рыбакова можно считать предвосхищением применения теории цивилизационного подхода к периоду истории Древней Руси [48]. Предвосхищение развития аксиологического подхода можно обнаружить в трудах Поршнева. Академик Хвостов развивал направление противодействия западным фальсификаторам истории, отстаивания исторической правды. В более поздние годы вуз стал генератором исследований по истории патриотической мысли и теории патриотического воспитания [55].

Собственно развитие школы аксиологических исследований и теории цивилизационного подхода было связано с приходом к руководству факультета истории, политологии и права в 2013 г. профессора В. Э. Багдасаряна. В состав научной школы были инкорпорированы профессора С. И. Реснянский, Ю. Ю. Иерусалимский, доценты О. В. Розина, Э. Э. Шульц и др. За период существования школы вышло более 70 монографий и учебников, представляющих позицию рассмотрения истории и современного состояния Рос-

сии через призму теории русской (российской) цивилизации.

Важнейшим методологическим вкладом научной школы в современные отечественные науки явился синтез цивилизационного подхода с традиционными российскими духовно-нравственными ценностями. Понятие «традиционные российские духовно-нравственные ценности» было заявлено на уровне документов стратегического планирования первоначально без их концептуального осмысления, что было для этого формата естественным. Параллельно развивалась тема России как государства-цивилизации, заявленная ещё в Послании¹ президента Федеральному Собранию 2012 г. [8]. Разработки научной школы Государственного университета просвещения по проблематике традиционных духовных ценностей, включая монографию «Традиционные ценности: стратегия цивилизационного возрождения», были опубликованы ещё до выхода Указа № 809 [9].

Обзор существующих в мировой мысли подходов к пониманию генезиса традиционных ценностей показал значительную вариативность существующих объяснительных моделей. Эти подходы варьировались от примордиализма Р. Генона² до фамилиализма американских консерваторов [14]. В предложенной научной школой Государственного университета просвещения модели традиционные ценности рассматриваются как ценностное ядро цивилизационногенеза [16].

Указом президента № 314 традиционные российские духовно-нравственные ценности и позиционирование России как государства-цивилизации соединялись в единый подход, что соответствовало и видению исследований научной

нова, В. Э. Багдасарян, Ю. Ю. Иерусалимский и др. М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2023. 212 с.

¹ Послание Президента Федеральному Собранию. 2012 // Президент России: [сайт]. URL: <http://krem-lin.ru/events/president/news/17118> (дата обращения: 19.12.2024).

² Генон Р. Инициация и духовная реализация. М.: Тотенбург, 2020. 248 с.; Генон Р. Царство количества и знамения времени. М.: Беловодье, 2011. 304 с.

школы. В книге «Традиционные ценности как основа нового мировоззренческого строительства России» делался уже следующий шаг в практическом преломлении соответствующего понимания к преподавательской деятельности. Применительно к истории проводилась, в частности, критика с позиций традиционных ценностей концепции модернизации, имевшей до последнего времени доминирование в российском образовательном пространстве [10].

Исследования научной школы «Ценностных оснований общественных процессов в России» важны как обозначение перспективы формирования соответствующего подхода в отечественной историографии и общественных науках в целом. Фактически можно говорить о формировании альтернативы доминирующим с начала 1990-х гг. методологическим подходам, сопряжённым прямо или опосредованно с либеральной идеологией. Важно, что именно направление цивилизационного подхода с опорой на традиционные российские духовно-нравственные ценности сегодня приобрела в повестке актуальных вызовов характер новой идентичной идеологии России.

Иерусалимский Ю. Ю., Косторниченко В. Н.

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ И ТРАНСФОРМАЦИЙ

Значительные социально-экономические и политические изменения последних лет обусловлены во многом не только трансформацией технологических укладов, но и стремлением общественности ряда мировых держав к национальному суверенитету и суверенному равенству. Приход в Венгрии, Словакии, Венесуэле, Бразилии, некоторых африканских странах и т. д. к власти партий, приверженных идеям национального государства, стал закономерным результатом предшествующего развития.

Формирование национальной идеи развития тесно связано с обращением к историческому прошлому. При этом исторические представления становятся ключом к пониманию особенностей современных общественных процессов. В силу этого вполне объясним растущий интерес к истории как к инструменту построения различных национальных моделей, позволяющему исследовать самобытные закономерности предшествующего общественного опыта, чтобы впоследствии исходя из этого определять специфику последующего развития.

В наши дни в отечественной исторической науке наиболее востребованной методологией в изучении истории национальных государств является цивилизационный подход, акцентирующий внимание на исследовании человеческой деятельности и уделяющий основное внимание духовным факторам развития, прежде всего, национальному самосознанию и религии. Основой цивилизационного подхода является культура, понимаемая авторами статьи как совокупность генетически ненаследуемой информации в области поведения человека. В данном случае мы исходим из общей трактовки этого термина известным русским философом Ю. А. Лотманом [37].

Цивилизационный подход с момента своего появления получил широкое признание в мировой исторической науке. Основоположителем цивилизационного подхода является выдающийся отечественный учёный Н. Я. Данилевский. В своей фундаментальной работе «Европа и Россия» он представил концепцию, согласно которой государства, объединённые общей религией и культурой, существуют как независимые, уникальные структуры, развивающиеся по собственным законам и находящиеся в постоянном взаимодействии между собой [20]. Данилевский выделил несколько крупных цивилизаций, таких, как славянская, западноевропейская и арабская, каждая из которых, по его мнению, обладает

специфическими особенностями и проходит собственные стадии исторического развития. В своём труде он фактически показал, как использовать цивилизационный подход для анализа взаимного влияния и взаимодействия между культурами.

В советской исторической науке по понятным причинам принимался только формационный подход, на рубеже 1980–1990-х гг. в общественных дисциплинах стали появляться работы, основанные на цивилизационном подходе (например, труд С. Ю. Глазьева и Д. С. Львова [17]), а в 2020-е гг. он получил широчайшее распространение. Интересно, что цивилизационный подход на современном этапе в исторических науках применяют учёные, придерживающиеся диаметрально противоположных политических взглядов – от леворадикальных до монархических.

На Западе представителями цивилизационного подхода являются, например, учёные консервативного направления С. Хантингтон [57] и Н. Фергюсон [61], которым противостоят И. Валлерстайн [62] и А. Г. Франк¹. К приверженцам цивилизационного подхода также следует отнести представителей известной французской исторической школы «Анналов» Ф. Броделя, Л. Февра, М. Блока и многих других.

Современная историческая наука претерпела значительные изменения за последние несколько веков. Ранее воспринимавшаяся как дисциплина, занимающаяся просто фиксацией и толкованием событий, сегодня она сталкивается с новыми вызовами и трансформациями, обусловленными изменяющимся восприятием прошлого и растущим междисциплинарным характером исследований.

Одним из важнейших изменений стало влияние новых технологий. Цифровая революция коренным образом преобразовала методы сбора, анализа и распространения информации. Традиционные

подходы, такие, как работа с архивами и анализ артефактов, были дополнены или даже заменены цифровыми инструментами, которые позволяют историкам более эффективно и в широком масштабе работать с первоисточниками. Цифровые архивы, базы данных и технологии, такие, как географические информационные системы (ГИС), обеспечивают более точный и комплексный анализ исторических данных.

Кроме того, развитие таких направлений, как палеогеномика, археологические технологии и моделирование климата привело к появлению новых источников доказательств. Генетические исследования, например, помогают проследить миграционные пути, родственные связи и распространение болезней в древности. Эти достижения способствуют пересмотру устоявшихся исторических концепций и традиционных представлений о социальных структурах, этничности и развитии человечества.

С каждым годом историки всё активнее используют методы анализа больших данных для выявления закономерностей и тенденций, которые ранее были трудны для обнаружения. Цифровизация исторических текстов и объектов также способствует популяризации истории и приращению исторических знаний по отечественной и всеобщей истории, позволив как учёным, так и широкой аудитории работать с первоисточниками, что раньше было невозможно. Эти изменения не только трансформируют методологию исторической науки, но и делают её более инклюзивной, стирая географические и институциональные барьеры.

Междисциплинарный подход сделал историческую науку более разнообразной. Историки всё чаще сотрудничают с учёными из областей антропологии, социологии, экономики и экологии, что обогащает их исследования. Это привело к возникновению новых направлений: экологическая история, экономическая история и глобальная история, которые

¹ Crisis: In the Third World. New York: Holmes & Meier.

помогают глубже понять события прошлого, помещая их в более широкий социальный и экологический контексты.

История также стала более взаимосвязанной и глобальной. С развитием технологий, торговли и миграции историки всё чаще исследуют исторические явления за пределами национальных рамок. Глобальная история как отдельная дисциплина сосредотачивает внимание на движении людей, идей и товаров между различными регионами и культурами, предлагая новый взгляд на прошлое.

Одним из актуальных аспектов современной исторической науки стало обращение к этическим вопросам, которые ранее были менее заметны. Методы представления и интерпретации истории в современных дебатах, политических дискуссиях и даже в ток-шоу стали важной темой общественно-политической жизни целого ряда государств, включая Россию и США. История, как и 100 лет назад, часто используется для оправдания политических действий, и историкам необходимо чётко осознавать, как их исследования могут быть использованы в этих целях.

Рост исторического ревизионизма, манипуляции историческими фактами, открытая фальсификация истории для идеологических целей, особенно в условиях развития социальных сетей, делают крайне важным для историков придерживаться принципа объективности и научности. На современном этапе особенно активизировалась фальсификация истории России и мира в угоду европоцентризму, англо-саксонским трактовкам и всем русофобским силам. Отечественные исследователи на основе тщательного анализа больших комплексов источников с помощью современных методов исторической информатики противопоставляют этому свои работы, раскрывающие реальный ход исторического процесса.

Эти этические вопросы связаны с растущим осознанием социальной ответственности историков. Современные

исследователи понимают, какое влияние их работа может оказать на общество, и осознают необходимость делать свои исследования доступными и актуальными для широкой общественности. Историческая наука продолжает трансформироваться, не только применяя новые методы и парадигмы, но и более осознанно подходя к своей роли в формировании общественного сознания и раскрытия исторических закономерностей.

Существенную помощь в этом процессе окажет широкое применение цивилизационного подхода, не декларативное в угоду модному тренду, а осознанное и прочувствованное. Положительным примером в этом отношении являются учебно-методические комплексы по «Основам российской государственности» и «Истории культуры России» и ряд монографий¹.

Заключение

Дискуссия о ситуации в исторической научной среде подтвердила предположение о начавшейся парадигмальной трансформации. Фактически можно говорить о явлении научной революции. Доминировавшая либеральная школа научно-общественную дискуссию проиграла. Но занятые институциональные позиции и ниши сдаются ей с большим сопротивлением.

¹ Багдасарян В. Э., Реснянский С. И. Советский Союз как цивилизация: от расцвета до заката. СПб.: Изд-во РХГА, 2022. 328 с.; История культуры России: учебно-методический комплекс модуля (дисциплины) для образовательных организаций высшего образования / В. М. Марасанова, Ю. Ю. Иерусалимский, В. Э. Багдасарян и др. Ярославль: Индиго, 2024. 488 с.; Изучение истории российской государственности: учебные материалы образовательного модуля: учебно-методическое пособие и УМК для вузов / В. М. Марасанова, В. Э. Багдасарян, Ю. Ю. Иерусалимский, М. В. Дмитриев, В. В. Дементьева, С. В. Любичанковский, А. В. Урядова, В. П. Федюк. Ярославль: Индиго, 2023. 540 с.; Основы российской государственности: учебно-методический комплекс по дисциплине для образовательных организаций высшего образования / В. М. Марасанова, В. Э. Багдасарян, Ю. Ю. Иерусалимский и др. М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2023. 212 с.

В настоящее время фиксируется кристаллизация 3 конкурирующих парадигм в понимании и объяснении исторического процесса.

Первая парадигма – *советско-марксистская*, поддерживаемая значительной частью преподавательского корпуса. Её признаки: оперирование категориальным аппаратом формационной теории, классовый подход и экономоцентризм. Внутренние противоречия производны от сути самой парадигмы – синтеза марксистского и советского. Советское в своих исторических реалиях выходило за классические марксистские схемы описания исторического процесса. Большевик переосмысливался как явление русское цивилизационное, что предполагало коррекцию исходно применяемой методологии.

Вторая парадигма – *либерально-западническая*. На стадии своей гегемонии, посредством неё навязывался концепт о русской отсталости от мировых трендов развития, имманентной тоталитарности российского общества и авторитарности российского государства. Позже столь радикальные, с переходом на русофобию, позиции стали неуместны и чреватые правовыми последствиями, и либералы скорректировали свои позиции. Приобрела распространение взятая исходно из американской культурной антропологии теория модернизации. Суть её состояла в попытке подвёрстывания под тренд движения в направлении к универсальному обществу, выстроенному под шаблоны Запада, национальной специфики условного перехода. Но сам тренд не ставился под сомнение. Теорию модернизации как идею исторического перехода от традиционного вариативного общества к обществу универсальному не следует смешивать, что часто случается, с модер-

низацией как обновлением потенциалов системы. Либеральная парадигма в исторической науке есть позиция идейного западничества, и она имеет немало сторонников, измеряющих успешность по критериям западного потребления.

Третья парадигма – *цивилизационная*. Именно она сегодня становится ядром новой системы мировоззренческого строительства (фактически новой идеологии). Дискуссия показала, что большинство участников принимает цивилизационный подход, оценивают его потенциалы как перспективные, тогда как противники оказываются в меньшинстве. Парадигмальный перелом произошёл.

Дискуссия показала, что вопрос об универсальном и специфичном (вариативном) по-прежнему является методологически ключевым. Сохраняются ещё удивительным образом стереотипы ньютоновской механистической картины мира, переосмысленной в физике, но сохраняемой в применении к видению гуманитарных наук. Произведённая ещё на рубеже XIX–XX вв. ревизия привела к пониманию, что при смене средовых условий, результат будет иным. Это означает, что выдаваемое за универсалии в иных цивилизационно-средовых условиях не работают (точнее, работают прямо противоположным образом).

Эта дискуссия показала также, что не работает столь же пережившая себя «гильотина Юма». Без ценностей, этики, веры, смыслов гуманитарные науки не функциональны. А ценности всегда вариативны. Человек, равно как и большие социальные группы, делает ценностный выбор. Отрицание выбора ценностей, собственного пути развития и есть тот самый западный научный колониализм, переходящий всякий раз в научный фашизм.

Дата поступления в редакцию 26.12.2024

ЛИТЕРАТУРА

1. Ананьич Б. В. Заметки по поводу статьи Б. Н. Миронова «Кто платил за индустриализацию: экономическая политика С. Ю. Витте и благосостояние населения в 1890–1905 гг. по антропометрическим данным» // Экономическая история. Ежегодник. 2002. Т. 2002. С. 611–613.
2. Афанасьев А. Н. История как строгая наука: опыт сциентизации исторического знания в трудах Б. Ф. Поршнева // Диалог со временем. 2019. Вып. 69. С. 268–283.
3. Багдасарян В. Э. Аксиология России в перспективе мирового развития // Политика и общество. 2014. № 7. С. 837–854.
4. Багдасарян В. Э. Антироссийские исторические мифы. СПб.: Питер, 2016. 384 с.
5. Багдасарян В. Э. Россия – Запад: цивилизационная война. М.: Форум; ИНФРА-М., 2017. 410 с.
6. Багдасарян В. Э., арх. Сильвестр (Лукашенко). Россия и Запад: цивилизационные различия. Ярославль: СПК, 2023. 304 с.
7. Багдасарян В. Э., Бушуев В. В. Историческая политика. М.: ИНФРА-М, 2023. 336 с.
8. Багдасарян В. Э., Балдин П. П., Реснянский С. И. Послания президента Российской Федерации Федеральному собранию как источник изучения исторической политики России // Вестник Санкт-Петербургского Университета. История. 2021. Т. 66. Вып. 2. С. 421–436.
9. Багдасарян В. Э., Иерусалимский Ю. Ю., архимандрит Сильвестр (Лукашенко С. П.). Традиционные ценности: стратегия цивилизационного возрождения. Ярославль: ОАО «СПК», 2022. 256 с.
10. Багдасарян В. Э., Иерусалимский Ю. Ю., архимандрит Сильвестр (Лукашенко С. П.). Традиционные ценности как основа нового мировоззренческого строительства. Ярославль: Шукаева и семья, 2024. 296 с.
11. Барановский В., Шмелев Б. Эпоха радикальных преобразований // Новая Польша. 2010. № 7/8. С. 3–18.
12. Барсенков А. С. «Новое мышление» во внешней политике СССР (1985–1991) // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2012. № 1. С. 64.
13. Брутенц К. Н. Несбывшееся. Неравнодушные заметки о перестройке. М., 2005. 652 с.
14. Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2003. 444 с.
15. Васильев Ю. А. Модернизация под красным флагом. М.: Современные тетради, 2006. 343 с.
16. Вититнев С. Ф., Шмелева А. В. Византийская цивилизация и её влияние на исторические судьбы России как предмет осмысления в рамках консервативного общественно-политического дискурса // Вестник Московского государственного областного университета. 2020. № 2. С. 97–122.
17. Глазьев С. Ю., Львов Д. С. Общие закономерности технико-экономического развития: Соревнование двух систем. М.: Наука, 1990. 230 с.
18. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: ИЦ «Древнее и современное», 2002. 550 с.
19. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991. 576 с.
20. Данилевский Н. Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому. СПб.: Изд-во «Глаголь», 1995. 552 с.
21. Дискин И. Е. Консервативная модернизация. М.: РОССПЭН, 2021. 341 с.
22. Дугин А. Г. Вестеренология: в направлении суверенной русской науки // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 3. С. 7–21.
23. Дугин А. Г. Концептуальные подходы к понятию «цивилизация» // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2013. № 1. С. 33–41.
24. Дугин А. Г. Теория многополярного мира. М.: Академический проект, 2015. 349 с.
25. Журавлев В. В. Революции и реформы в истории России // Россия XXI. 2024. № 1. С. 6–15.
26. Зуев В. Горбачевская перестройка в отношениях с ЕС / История европейской интеграции (1945–1994 гг.): мат-лы конф. / под ред. А. С. Намазовой, Б. Эмерсон. М., 1995. С. 265–266.
27. Иерусалимский Ю. Ю., Попова А. В. Значение традиционных ценностей в преподавании курса «Основы российской государственности» // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки 2024. № 1. С. 35–46.
28. Катасонова Е. Л. Другая Япония: лики молодежной субкультуры // Ежегодник Японии. 2008. Т. 37. С. 182–201.

29. Кемеров В. Е. Социальная философия: смена парадигм. М.: Академический проект, 2022. 127 с.
30. Клейн Л. С. Воевода советской археологии // Нестор. 2010. № 14. С. 223–237.
31. Колганова М. Д. Интеграция на постсоветском пространстве – уроки прошлого // Молодой ученый. 2011. № 5. Т. 1. С. 189–192.
32. Крот М. Н. Консервативный проект модернизации России во второй половине XIX века. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2014. 202 с.
33. Кун Т. Структура научных революций / пер. с англ. И. З. Налетова и др. М.: АСТ, 2020. 320 с.
34. Лазарева Л. Н., Маслов Д. В. «Центральный комитет партии об этом много думает»: формирование основ культурной политики позднего сталинизма // Россия XXI. 2024. № 2. С. 90–104.
35. Лебедев С. А. Современная философия науки. М.: Проспект, 2023. 312 с.
36. Летов О. В. Проблема научной объективности: от постпозитивизма к постмодернизму. М., 2011. 196 с.
37. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: Искусство-СПБ, 1994. 399 с.
38. Мазур Л. Н. Архив как институт памяти: особенности институциональной трансформации // Архив в социуме – социум в архиве: материалы научн.-практ. конф. / сост. Н. А. Антипин. Челябинск, 2021. С. 100–103.
39. Меркулов А. В. Внешняя политика СССР в свете нового политического мышления. 1985–1991: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2001. 19 с.
40. Миронов Б. Н. Благополучие российского крестьянства после Великих реформ 1860–1870-х годов // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2005. Вып. 4. С. 149–159.
41. Миронов Б. Н. Кто платил за индустриализацию: экономическая политика С. Ю. Витте и благополучие населения в 1890–1905 гг. по антропометрическим данным // Экономическая история. Ежегодник. 2001. Т. 2001. С. 418–427.
42. Миронов Б. Н. Модернизация имперская и советская // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2018. Т. 63. Вып. 1. С. 54–82.
43. Наука большой страны. Советский опыт управления / М. В. Грибовский, И. Г. Дежина, Е. А. Долгова, М. О. Окунева, Е. А. Стрельцова, Д. Л. Сапрыкин, С. Б. Ульянова. М.: РГГУ, 2023. 625 с.
44. Начапкин М. Н. Трансформация российской и советской повседневности второй половины XIX – середины XX вв. в оценках отечественных консерваторов. Ч. 1: Трансформация российской повседневности в условиях либерально-консервативной модернизации (от великих реформ Александра II до первой русской революции 1905–1907 гг.). Екатеринбург: Изд-во РГППУ, 2022. 137 с.
45. Панарин А. С. Православная цивилизация. М.: Алгоритм, 2002. 496 с.
46. Пантин В. И. Циклы и волны модернизации как феномен социального развития. М.: Мос. филос. фонд, 1997. 190 с.
47. Попов А. В. Культурная и документальная память: соотношение, свойства и актуализация // Документальное наследие и историческая наука: мат-лы форума / отв. ред. Л. Н. Мазур. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2020. С. 429–436.
48. Рыбаков Б. А. Рождение Руси. М.: АиФ Принт, 2004. 448 с.
49. Рыжков Н. И. Главный свидетель. М.: Эксмо, Алгоритм, 2009. 240 с.
50. Савельев А. В. Тёмная сторона силы или субъективность в эпистемологии на портале «Философия в России» // Философия науки. 2010. № 3. С. 3–22.
51. Соломахина Е. Н. Труд Н. Л. Рубинштейна «Русская историография»: его содержание и оценка в отечественной исторической литературе. Нижний Новгород: Пламя, 2011. 229 с.
52. Тикиджян Р. Г. Донское казачество и крестьянство на переломе исторических эпох: между имперской и социалистической модернизацией (1855–1939). Ростов-на-Дону: Изд-во ДГТУ, 2024. 333 с.
53. Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории / пер. с англ. Е. Д. Жаркова и др.. М.: Рольф, 2002. 592 с.
54. Яшин И. Н. Постидеология постлиберализма: генезис, сущность, назначение // Тетради по консерватизму. 2021. № 4. С. 99–109.
55. Фальсификаторы истории. М.: ОГИЗ, Госполитиздат, 1948. 80 с.

56. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева. М.: АСТ, 2022. 640 с.
57. Цымбурский В. Л. Россия – Земля за Великим Лимитрофом: цивилизация и её геополитика. М.: URSS, 1999. 144 с.
58. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. В 2 т. / пер. с нем. К. А. Сва-сьяна. М. Мысль, 1993. 1370 с.
59. Ярычев Н. У. Культурная память как понятие и явление: основания концептуализации // Куль-тура и искусство. 2022. № 12. С. 11–19.
60. Agazzi E. Scientific Objectivity and Its Contexts. Springer, 2014. 482 p.
61. Malcolm N. Soviet policy perspectives on Western Europe. London: Routledge, 1989. 117 c.
62. Ferguson N. Civilization: The West and the Rest. London: Penguin Books, 2011. 128 p.
63. Wallerstein I. The Capitalist World-Economy. Cambridge University Press, 1979. 305 p.

REFERENCES

1. Ananyich B. V. [Notes on the article by B. N. Mironov "Who paid for industrialization: the economic policy of S. Yu. Witte and the welfare of the population in 1890–1905 according to anthropomet-ric data"]. In: *Ekonomicheskaya istoriya. Yezhegodnik* [Economic history. Yearbook], 2002, vol. 2002, pp. 611–613.
2. Afanasyev A. N. [History as a rigorous science: the experience of scientization of historical knowledge in the works of B. F. Porshnev]. In: *Dialog so vremenem* [Dialogue with Time], 2019, iss. 69, pp. 268–283.
3. Baghdasaryan V. E. [Axiology of Russia in the perspective of world development]. In: *Politika i obsh-chestvo* [Politics and Society], 2014, no. 7, pp. 837–854.
4. Baghdasaryan V. E. *Antirossiyskiye istoricheskiye mify* [Anti-Russian historical myths]. St. Petersburg, Piter Publ., 2016. 384 p.
5. Baghdasaryan V. E. *Rossiya – Zapad: tsivilizatsionnaya voyna* [Russia – West: civilizational war]. Mos-cow, Forum Publ., INFRA-M Publ., 2017. 410 p.
6. Baghdasaryan V. E., arch. Sylvester (Lukashenko). *Rossiya i Zapad: tsivilizatsionnyye razlichiya* [Russia and the West: civilizational differences]. Yaroslavl, SPK Publ., 2023. 304 p.
7. Baghdasaryan V. E., Bushuev V. V. *Istoricheskaya politika* [Historical policy]. Moscow, INFRA-M Publ., 2023. 336 p.
8. Bagdasaryan V. E., Baldin P. P., Resnyansky S. I. [Messages of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly as a source for studying the historical policy of Russia]. In: *Vestnik Sankt-Pe-terburgskogo Universiteta. Istoriya* [Bulletin of St. Petersburg University. History], 2021, vol. 66, iss. 2, pp. 421–436.
9. Baghdasaryan V. E., Ierusalimsky Yu. Yu., Archimandrite Sylvester (Lukashenko S. P.). *Traditsionnyye tsennosti: strategiya tsivilizatsionnogo vrozozhdeniya* [Traditional Values: Strategy of Civilizational Re- vival]. Yaroslavl, OJSC SPK Publ., 2022. 256 p.
10. Baghdasaryan V. E., Ierusalimsky Yu. Yu., Archimandrite Sylvester (Lukashenko S. P.). *Traditsionnyye tsennosti kak osnova novogo mirovozzrencheskogo stroitelstva* [Traditional Values as the Basis for New Worldview Construction]. Yaroslavl, Shukaeva i semya Publ., 2024. 296 p.
11. Baranovsky V., Shmelev B. [The Era of Radical Transformations]. In: *Novaya Polsha* [New Poland], 2010, no. 7/8, pp. 3–18.
12. Barsenkov A. S. ["New Thinking" in the Foreign Policy of the USSR (1985–1991)] In: *Vestnik Mosko- vskogo universiteta. Seriya 25. Mezhdunarodnyye otnosheniya i mirovaya politika* [Bulletin of Moscow University. Series 25: International Relations and World Politics], 2012, no. 1, pp. 64.
13. Brutents K. N. *Nesbvyshyesya. Neravnodushnyye zametki o perestroyke* [The Unfulfilled. Caring Notes on Perestroika]. Moscow, 2005. 652 p.
14. Buchanan P. J. *Smert Zapada* [The Death of the West]. Moscow, AST Publ.; St. Petersburg, Terra Fan- tastica Publ., 2003. 444 p.
15. Vasiliev Yu. A. *Modernizatsiya pod krasnym flagom* [Modernization under the Red Flag]. Moscow, Sovremennye Tetradi Publ., 2006. 343 p.
16. Vititnev S. F., Shmeleva A. V. [Byzantine civilization and its influence on the historical destinies of Russia as a subject of comprehension within the framework of conservative socio-political discourse]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta* [Bulletin of Moscow Region State University], 2020, no. 2, pp. 97–122.

17. Glazyev S. Yu., Lvov D. S. *Obshchiye zakonomernosti tekhniko-ekonomicheskogo razvitiya: Sorevnovaniye dvukh sistem* [General patterns of technical and economic development: Competition between two systems]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 230 p.
18. Danilevsky N. Ya. *Rossiya i Yevropa* [Russia and Europe]. Moscow, ITS «Drevneye i sovremennoye» Publ., 2002. 550 p.
19. Danilevsky N. Ya. *Rossiya i Yevropa* [Russia and Europe]. Moscow, Kniga Publ., 1991. 576 p.
20. Danilevsky N. Ya. *Rossiya i Yevropa: Vzglyad na kulturnyye i politicheskiye otnosheniya Slavyanskogo mira k Germano-Romanskomu* [Russia and Europe: A Look at the Cultural and Political Relations of the Slavic World to the Germano-Romanskogo]. St. Petersburg, Glagol Publ., 1995. 552 p.
21. Diskin I. E. *Konservativnaya modernizatsiya* [Conservative Modernization]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2021. 341 p.
22. Dugin A. G. [Westerenology: towards a sovereign Russian science]. In: *Vestnik Gosudarstvennogo universiteta prosveshcheniya. Seriya: Istoriya i politicheskiye nauki* [Bulletin of the State University of Education. Series: History and political sciences], 2024, no. 3, pp. 7–21.
23. Dugin A. G. [Conceptual approaches to the concept of "civilization"]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18: Sotsiologiya i politologiya* [Bulletin of Moscow University. Series 18: Sociology and political science], 2013, no. 1, pp. 33–41.
24. Dugin A. G. *Teoriya mnogopolyarnogo mira* [Theory of a multipolar world]. Moscow, Akademicheskii projekt Publ., 2015. 349 p.
25. Zhuravlev V. V. [Revolutions and reforms in the history of Russia]. In: *Rossiya XXI* [Russia XXI], 2024, no. 1, pp. 6–15.
26. Zuev V. [Gorbachev's perestroika in relations with the EU]. In: Namazova A. S., Emerson B., eds. *Istoriya yevropeyskoy integratsii (1945–1994 gg.)* [History of European integration (1945–1994)]. Moscow, 1995, pp. 265–266.
27. Ierusalimskiy Yu. Yu., Popova A. V. [The importance of traditional values in teaching the course "Fundamentals of Russian statehood"]. In: *Vestnik Gosudarstvennogo universiteta prosveshcheniya. Seriya: Istoriya i politicheskiye nauki* [Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences], 2024, no. 1, pp. 35–46.
28. Katasonova E. L. [Another Japan: faces of youth subculture]. In: *Yezhegodnik Yaponiya* [Yearbook Japan], 2008, vol. 37, pp. 182–201.
29. Kemerov V. E. *Sotsialnaya filosofiya. smena paradigm* [Social philosophy: change of paradigms]. Moscow, Akademicheskii projekt Publ., 2022. 127 p.
30. Klein L. S. [Voivode of Soviet archeology]. In: *Nestor* [Nestor], 2010, no. 14, pp. 223–237.
31. Kolganova M. D. [Integration in the post-Soviet space – lessons of the past]. In: *Molodoy uchenyy* [Young scientist], 2011, no. 5, vol. 1, pp. 189–192.
32. Krot M. N. *Konservativnyy projekt modernizatsii Rossii vo vtoroy polovine XIX veka* [Conservative project of modernization of Russia in the second half of the 19th century]. Rostov-n-Don: Izd-vo Yuzhnogo federalnogo universiteta (YUFU) Publ., 2014. 202 p.
33. Kuhn T. *The structure of scientific revolutions* (Rus. ed.: Naletov I. Z. et al., trans. *Struktura nauchnykh revolyutsiy* Moscow, AST Publ., 2020. 320 p.)
34. Lazareva L. N., Maslov D. V. ["The Central Committee of the Party Thinks About This a Lot": Formation of the Foundations of the Cultural Policy of Late Stalinism]. In: *Rossiya XXI* [Russia XXI], 2024, no. 2, pp. 90–104.
35. Lebedev S. A. *Sovremennaya filosofiya nauki* [Modern Philosophy of Science]. Moscow, Prospect Publ., 2023. 312 p.
36. Letov O. V. *Problema nauchnoy obyektivnosti: ot postpozitivizma k postmodernizmu* [The Problem of Scientific Objectivity: From Postpositivism to Postmodernism]. Moscow, 2011. 196 p.
37. Lotman Yu. M. *Besedy o russkoy kulture: Byt i traditsii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo XIX veka)* [Conversations about Russian Culture: Life and Traditions of the Russian Nobility (18th – Early 19th Century)]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPB, 1994. 399 p.
38. Mazur L. N. [Archive as an Institute of Memory: Features of Institutional Transformation]. In: Antipin N. A., ed. *Arkhiv v sotsiume – sotsium v arkhive* [Archive in Society – Society in the Archive]. Chelyabinsk, 2021, pp. 100–103.

39. Merkulov A. V. *Vneshnyaya politika SSSR v svete novogo politicheskogo myshleniya. 1985–1991: avtoref. diss. ... kand. ist. nauk* [Foreign Policy of the USSR in Light of the New Political Thinking. 1985–1991: abstract of Cand. Sci. thesis in Historical sciences]. Moscow, 2001. 19 p.
40. Mironov B. N. [Welfare of the Russian Peasantry after the Great Reforms of the 1860–1870s]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta* [Bulletin of St. Petersburg University], 2005, iss. 4, pp. 149–159.
41. Mironov B. N. [Who paid for industrialization: the economic policy of S. Yu. Witte and the welfare of the population in 1890–1905 according to anthropometric data]. In: *Ekonomicheskaya istoriya. Yezhegodnik* [Economic history. Yearbook], 2001, vol. 2001, pp. 418–427.
42. Mironov B. N. [Imperial and Soviet modernization]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of St. Petersburg University. History], 2018, vol. 63, iss. 1, pp. 54–82.
43. Gribovsky M. V., Dezhina I. G., Dolgova E. A., Okuneva M. O., Streltsova E. A., Saprykin D. L., Ulyanova S. B. *Nauka bolshoy strany. Sovetskiy opyt upravleniya* [Science of a big country. Soviet management experience] Moscow, RSUH Publ., 2023. 625 p.
44. Nachapkin M. N. *Transformatsiya rossiyskoy i sovetskoy povsednevnosti vtoroy poloviny XIX – serediny XX vv. v otsenakh otechestvennykh konservatorov: monografiya: v 2 ch. CH. 1: Transformatsiya rossiyskoy povsednevnosti v usloviyakh liberal'no-konservativnoy modernizatsii (ot velikikh reform Aleksandra II do pervoy russkoy revolyutsii 1905–1907 gg.)* [Transformation of Russian and Soviet Everyday Life in the Second Half of the 19th – Mid-20th Centuries in the Assessments of Russian Conservatives. Part 1: Transformation of Russian Everyday Life in the Context of Liberal-Conservative Modernization (From the Great Reforms of Alexander II to the First Russian Revolution of 1905–1907)]. Yekaterinburg: Izd-vo RGPPU Publ., 2022. 137 p.
45. Panarin A. S. *Pravoslavnaya tsivilizatsiya* [Orthodox Civilization]. Moscow, Algorithm Publ., 2002. 496 p.
46. Pantin V. I. *Tsikly i volny modernizatsii kak fenomen sotsialnogo razvitiya* [Cycles and Waves of Modernization as a Phenomenon of Social Development]. Moscow, Mos. filos. Fond Publ., 1997. 190 p.
47. Popov A. V. [Cultural and Documentary Memory: Relationship, Properties, and Actualization]. In: Mazur L. N., ed. *Dokumentalnoye nasledie i istoricheskaya nauka* [Documentary Heritage and Historical Science: Forum Materials]. Yekaterinburg, Izdatelstvo Uralskogo universiteta Publ., 2020, pp. 429–436.
48. Rybakov B. A. *Rozhdeniye Rusi* [The Birth of Rus]. Moscow, AiF Print Publ., 2004. 448 p.
49. Ryzhkov N. I. *Glavnyy svidetel* [The Main Witness]. Moscow, Eksmo Publ., Algorithm Publ., 2009. 240 p.
50. Savelyev A. V. [The Dark Side of Power or Subjectivity in Epistemology on the Philosophy in Russia Portal]. In: *Filosofiya nauki* [Philosophy of Science], 2010, no. 3, pp. 3–22.
51. Solomakha E. N. *Trud N. L. Rubinshteyna «Russkaya istoriografiya»: yego sodержaniye i otsenka v otechestvennoy istoricheskoy literature* [N. L. Rubinstein's Work "Russian Historiography": Its Content and Evaluation in Russian Historical Literature]. Nizhny Novgorod, Plamy Publ., 2011. 229 p.
52. Tikidzhyan R. G. *Donskoye kazachestvo i krest'yanstvo na perelome istoricheskikh epokh: mezhdru imperskoy i sotsialisticheskoy modernizatsiyey (1855–1939)* [Don Cossacks and peasantry at the turning point of historical eras: between imperial and socialist modernization (1855–1939)]. Rostov-n-Don, Izd-vo DGTU Publ., 2024. 333 p.
53. Toynbee A. J. *Civilization before the Court of History* (Rus. ed.: Zharkov E. D. et al., transl. *Tsivilizatsiya pered sudom istorii*). Moscow, Rolf Publ., 2002. 592 p.)
54. Tyapin I. N. [Post-ideology of post-liberalism: genesis, essence, purpose]. In: *Tetradi po konservatizmu* [Notebooks on conservatism], 2021, no. 4, pp. 99–109.
55. *Falsifikatory istorii* [Falsifiers of history]. Moscow, OGIZ Publ., Gospolitizdat Publ., 1948. 80 p.
56. Huntington S. *Clash of civilizations* (Rus. ed.: Velimeev T., transl. *Stolknoveniye tsivilizatsiy*). Moscow, AST Publ., 2022. 640 p.)
57. Tsybursky V. L. *Rossiya – Zemlya za Velikim Limitrofom: tsivilizatsiya i yeyo geopolitika* [Russia – the Land beyond the Great Limitrophe: civilization and its geopolitics]. Moscow, URSS Publ., 1999. 144 p.
58. Spengler O. *Der Untergang Europas. Essays zur Morphologie der Weltgeschichte* (Rus. ed.: Svasyan K. A., transl. *Zakat Yevropy. Ocherki morfologii mirovoy istorii*). Moscow, Mysl Publ., 1993. 1370 p.)
59. Yarychev N. U. [Cultural Memory as a Concept and Phenomenon: Foundations of Conceptualization]. In: *Kultura i iskusstvo* [Culture and Art], 2022, no. 12, pp. 11–19.

60. Agazzi E. *Scientific Objectivity and Its Contexts*. Springer, 2014. 482 p.
61. Malcolm N. *Soviet policy perspectives on Western Europe*. London, Routledge, 1989. 117 p.
62. Ferguson N. *Civilization: The West and the Rest*. London, Penguin Books, 2011. 128 p.
63. Wallerstein I. *The Capitalist World-Economy*. Cambridge University Press, 1979. 305 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Багдасарян Вардан Эрнестович – доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории, политологии и права Государственного университета просвещения;
e-mail: vardanb@mail.ru

Марасанова Виктория Михайловна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой рекламы и связей с общественностью Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова;
e-mail: vmm@uniyar.ac.ru

Фукус Александр Николаевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой по развитию просветительской деятельности Российского общества «Знание» Государственного университета просвещения;
e-mail: anfyks20@yandex.ru

Соловьев Ян Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Государственного университета просвещения;
e-mail: solyan@yandex.ru

Жириков Иван Георгиевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории Государственного университета просвещения;
e-mail: 79168497010@yandex.ru

Лазарева Любовь Николаевна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Государственного университета просвещения, главный специалист Российского государственного архива социально-политической истории;
e-mail: laz_dom@mail.ru

Куренкова Евгения Алексеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Государственного университета просвещения;
e-mail: ea.kurenkova@gurpros.ru

Иерусалимский Юрий Юрьевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной средневековой и новой истории, руководитель Центра по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова;
e-mail: osniyar@uniyar.ac.ru

Косторниченко Владимир Николаевич – доктор исторических наук, профессор, старший научный сотрудник Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова;
e-mail: vnkostornichenko@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vardan E. Baghdasaryan – Dr. Sci. (History), Prof., Dean of the Faculty of History, Political Science and Law, Federal State University of Education;
e-mail: vardanb@mail.ru

Viktoriya M. Marasanova – Dr. Sci. (History), Prof., Department Head, Department of Advertising and Public Relations, P.G. Demidov Yaroslavl State University;
e-mail: vmm@uniyar.ac.ru

Alexander N. Fuks – Dr. Sci. (History), Prof., Department Head, Department for the Development of Educational Activities, Russian Society "Knowledge", Federal State University of Education;
e-mail: anfyks20@yandex.ru

Yan V. Soloviev – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of History of Russia, Federal State University of Education;
e-mail: solyan@yandex.ru

Ivan G. Zhiryakov – Dr. Sci. (History), Prof., Department of General History, Federal State University of Education;
e-mail: 79168497010@yandex.ru

Lyubov N. Lazareva – Dr. Sci. (History), Prof., Department of Russian History, Federal State University of Education; Chief Specialist, The Russian State Archive of Socio-Political History;
e-mail: laz_dom@mail.ru

Evgeniya A. Kurenkova – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of History of Russia, Federal State University of Education;
e-mail: ea.kurenkova@guppros.ru

Yury Yu. Ierusalimskiy – Dr. Sci. (History), Prof., Head of Department, Department of Russian Medieval and Modern History, Faculty of History, Head of the Center for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values, P.G. Demidov Yaroslavl State University;
e-mail: osniyar@uniyar.ac.ru

Vladimir N. Kostornichenko – Dr. Sci. (History), Prof., Senior Researcher, P.G. Demidov Yaroslavl State University;
e-mail: vnkostornichenko@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Историческая наука в условиях современных вызовов и трансформаций (Круглый стол) / В. Э. Багдасарян, В. М. Марасанова, А. Н. Фуks, Я. В. Соловьёв, И. Г. Жиряков, Л. Н. Лазарева, Е. А. Куренкова, Ю. Ю. Иерусалимский, В. Н. Косторниченко // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 6. С. 36–69.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-6-36-69

FOR CITATION

Baghdasaryan V. E., Marasanova V. M., Fuks A. N., Solovyov Y. V., Zhiryakov I. G., Lazareva L. N., Kurenkova E. A., Ierusalimskiy Yu. Yu., Kostornichenko V. N. Historical Science in the Context of Modern Challenges and Transformations (Round Table). In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2024, no. 6, pp. 36–69.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-6-36-69